

Е. В. АНТОНОВА

ЗНАКИ ПРЕСТИЖА И ОДИН ИЗ ПРИЗНАКОВ АРХАИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

(на материале могильника Сумбар I)

Банально звучит признание трудностей выявления социально выдвинутых лиц в обществах поздней первобытности, которые в нашей литературе все шире (вслед за западными исследователями) именуют вождествами. Эти трудности — следствие незавершенности в таких обществах процессов общественной дифференциации, сохранения признаков эгалитарности, относительно низкого уровня материального богатства, еще не концентрирующегося в руках лидеров. Трудно поэтому выделяются вещественные признаки высокого общественного статуса, которые могли бы сопровождать умершего. Тем не менее такие вещи явно есть — это встречающиеся в небольшом количестве в погребальном инвентаре предметы вооружения или украшения, элементы костюма. В настоящей заметке мы имеем целью показать, что исследование особенностей набора таких вещей проливает свет на некоторые характеристики лидеров и понимание современниками их функций. Материалом послужили находки в могильнике на юге Туркмении Сумбар I, расположенном в долине речки того же названия, притока Атрека [1].

Могильник относится к эпохе поздней бронзы, он синхронен периоду Намазга VI анауской культуры. Всесторонний анализ инвентаря, наличие антропологических определений, достаточно полная публикация данных — все это делает материалы раскопок И. Н. Хлопина открытыми для других исследователей — случай не такой уже частый в нашей науке. Стимулом к работе в интересующем нас направлении служат и разнообразные историко-культурные реконструкции, предложенные автором. В инвентаре погребений могильника И. Н. Хлопин выделил группу особых вещей, к которым отнес каменные наверхия, лентообразные металлические «диадемы» и широкие браслеты — «наручи». Нас заинтересовали наверхия, небольшое число которых, их принадлежность выделяющимся по разным признакам погребениям, наконец, особый статус этих вещей в древней Передней Азии, где они были знаком престижа или власти, — все заставляет обратить на них внимание [2, с. 70—72].

Наверхий найдено всего 12, из них 1 —вне погребения. Они отнесены к трем группам по форме и цвету: сферические серо-белые (4 экз.), грушевидные белые (5 экз.), с выделенной шейкой черные (3 экз.). Автор публикации счел возможным разделить эти внешне сходные вещи на две группы — наверхия предметов типа посохов и наверхия булав. К первым отнесены наверхия, превышающие вес средневековых булав и имеющие относительно небольшой диаметр отверстия, что, по мнению И. Н. Хлопина, препятствовало их использованию в качестве оружия. Расположение предполагаемых булав в непо потревоженных погребениях позволяет предположить, что их носили на коротком (40—50 см) древке у пояса (таких погребений четыре) [1, с. 24]. Положение же белых грушевидных наверхий как будто указывает на то, что они венчали длинные палки, хотя основанием для такого заключения служит всего один случай: в погр. 115 такое наверхие находилось перед лицом погребенного [1, с. 149].

И. Н. Хлопин считает знаками престижа лишь наверхия посохов (белого и черного цвета, 7 экз.), относя наверхия булав к оружию [1, с. 24]. Нам кажется, что имеющиеся данные пока не позволяют предполагать это с полной уверен-

Находки	Погребения		
	мужские с навершиями (9)	мужские без наверший (27)	женские (40)
. «Диадема»	1	2	1
«Наруч»	2	2	—
. Височные кольца	1	—	12
, Серьги трехбусинные	1	—	1
Серьги-кольца	—	6	6
Бляхи	2	4	12
Пронизки на головном уборе	1	—	1
«Бусы-амулеты» каменные	2	5	9
Бусы бронзовые	1	2	5
Пуговицы костяные	1	1	—
* Панцирь черепахи	1	—	12
гАльчики	1	15	21
* Кости бараны	2	3	9

остью. В то же время есть основания подходить к вещам двух предположительно выделенных категорий как к единой группе наверший — предметов близкой или дной функции — и как к одному социальному знаку. Основания для этого злагаются в ходе анализа.

Во всех погребениях с навершиями, где сохранились костяки, они принадлежали ужчинам, возраст которых определен в одном случае как взрослый, в остальных — 21—23, 30—35, 40—45, 50—60 и лишь в одном случае — 12—14 лет. публикации содержатся сведения о 36 мужских погребениях; общее их количество — 80 [1, рис. 21]. Обратимся к инвентарю погребений с навершиями, чав с предметов вооружения.

Из 9 погребений с навершиями предметы вооружения отсутствовали в 6; в найдены наконечники стрел, в 2 — наконечники копий, в 2 — дротиков. В гальных 27 погребениях мужчин могильника Сумбар I оружия не было в 14; 13 найдено: в 5 — наконечники стрел, в 1 — наконечник копья, в 2 — наконечники дротиков и в 1 — кинжал. Таким образом, выявляется тенденция: в огребениях с навершиями предметы вооружения встречаются реже, чем в прочих "огребениях мужчин: в первых они отсутствуют в $\frac{2}{3}$, во вторых — в половине гучаев. В то же время в погр. 115 (с белым навершием перед лицом) найдены (конечник стрелы, наконечник копья и нож [1, с. 79]).

Не менее примечательны результаты наблюдений за распределением украшений, улетов и некоторых других предметов инвентаря в погребениях с навершиями, прочих мужских погребениях и в погребениях женщин (см. таблицу).

«Диадемы» — бронзовые лентообразные головные украшения с пуансонным рнаментом — по преимуществу принадлежность погребений мужчин с наверши (в 1 из 9, в то время как в других погребениях" мужчин они в 2 из 27, женских же — в 1 из 40). Только в погребениях первой группы и в женских йдены пронизки, украшавшие головной убор. Только мужчины носили широкие "ронзовые браслеты-«наручи», при этом в погребениях с навершиями они встречаются чаще. Только в погребениях мужчин с навершиями и женщин найдены исочные кольца, трехбусинные серьги и панцири черепах. Близка у этих двух упп и встречаемость бронзовых бус и костей баранов, более редких в погребениях жчин. В то же время мужчины с навершиями как будто не носили кольце-разных серег, распространенных у остальных мужчин и женщин.

Погребения с наверхшими расположены разбросанно по всей раскопанной площади. Рядом находились лишь два: № 84 — подростка 12—14 лет и № 87 — мужчины 30—35 лет [1, с. 145]. Они сходны по особенностям конструкции могилы и положению костяка. В погребении мужчины черное наверхшие находилось перед лицом, «наруч» на правой руке, были 2 трехбусинные серьги, 5 каменных бус и 10 сосудов, но нет оружия. Положение наверхшия белого цвета в погребении подростка позволяет предположить, что оно венчало предмет, находившийся у пояса. В погребении также найдены две каменные бусины и не менее семи сосудов. Кроме того, в погребении подростка в отличие от погребения мужчины найден панцирь черепахи и кости барана. Несколько различаются в этих двух погребениях наборы сосудов. Особое место этих погребений и общность многих признаков позволяют предполагать, что они могли принадлежать членам одной семьи в отличие от других погребений с наверхшими, разбросанных по всей территории некрополя.

При всей ограниченности имеющихся данных, как нам кажется, выявляется определенная тенденция в наборе инвентаря мужчин, погребенных с наверхшими. В них относительно мало предметов вооружения, но среди имеющихся относительно много наконечников копий и дротиков. Мужчины с наверхшими чаще прочих носили «диадемы», широкие браслеты. Наконец, у них есть исключительно женские украшения, что отметивший эту особенность И. Н. Хлопин считает случайностью [1, с. 82]. Мы склонны думать иначе. Сочетание трех признаков — наличия наверхший, относительно небольшого числа предметов вооружения и наличия «женского» инвентаря симптоматично: оно указывает на некоторые характеристики и функции этих социально выдвинутых лиц. Примечательно, что «женские» украшения не найдены в погребении подростка, что не позволяет интерпретировать их как знаки младшей возрастной категории мужской половины общества.

Сочетание в погребениях мужчин с наверхшими признаков как мужского, так и женского инвентаря, показывает, что эти люди, вероятные лидеры, считались носителями как мужского, так и женского начала. Это явление хорошо известно этнографам и религиоведам. Л. Я. Штернберг посвятил ему специальную работу [3]. Шаманы Сибири и Дальнего Востока у некоторых народов могли обнаруживать в costume и поведении признаки противоположного пола — это было следствием того, что их духи-покровители принадлежали к нему. Так, у якутов шаман обычно носил девичью куртку, а на халате — железные круги, изображающие груди, он мог заплетать волосы по-женски. Аналогичные особенности наблюдались у самоедов и гольдов. Смысл этого, согласно Л. Я. Штернбергу, в том, что дух противоположного пола вселяется в своего избранника, поэтому тот приобретает его черты. В крайних случаях, если дух вселялся навсегда, была возможна даже; перемена пола [3, с. 159].

Такой религиозный трансвизм обнаруживается у древних народов Востока, где существовали жрецы-трансвисты, служители женских божеств. Идея сексуального избранничества лежит в основе индийского шактизма: сверхъестественная сила может быть приобретена лишь путем общения с особыми женскими существами — шакти, творческими элементами космоса. Шакти бога Вишну — Лакшми, Шивы — Парвати и т.д. Главное назначение этих шакти — борьба со злыми духами, как и шаманских духов [3, с. 160, 161].

Можно также вспомнить энареев — «женоподобных мужчин» у скифов, гадателей и прорицателей, которые, по их словам, донесенным Геродотом, были обязаны своим даром Афродите (Herod. IV, 67).

Духи в архаических обществах находили избранников, позднее их стали искать целенаправленно. Один из путей нахождения таких покровителей — совершение обряда «священного брака», известного у многих народов древности; его, в частности, совершали вожди, а затем цари государств Месопотамии.

Таким образом, предполагаемые лидеры, останки которых найдены в могильнике Сумбар I, могли быть не только руководителями в повседневной жизни,

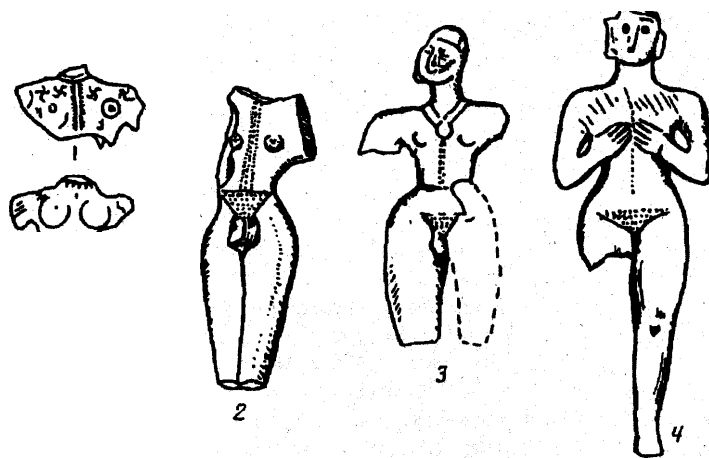

Рис. 1. Антропоморфные статуэтки. /—3— фигурки с признаками женского и мужского пола; 4 — женская фигурка (/ — Тали-Бакун; 2 — Гоч-депе, Южная Туркмения; 3, 4 — Тюренг-Тепе)

и обрядовыми предводителями, обладавшими духами-покровительницами. Это геляло их особой творческой энергией, способностью воздействовать на природу, поскольку они были носителями двух начал. Можно предполагать, что навершие было не столько предметом вооружения, сколько знаком социального статуса, при этом его символика могла содержать и фаллические ассоциации.

О том, что обитатели Южной Туркмении и их соседи в энеолитическое время в эпоху бронзы представляли себе своих мифологических покровителей в виде ушлых существ, свидетельствуют антропоморфные статуэтки (рис. 1) [4, с. 63, 6, 76, 77; 5; 6, табл. XVJ. Правда, такие статуэтки не известны у носителей ультуры, оставивших некрополь Сумбар I, которые, судя по всему, их практически не изготавливали. Отсутствие этих статуэток не может, однако, служить нованием для отрицания охарактеризованных выше представлений, тем более двуполые фигурки известны в культурах соседнего Ирана. Как проявление енской стороны природы мифологических покровителей можно рассматривать и еноподобный облик статуэток анауской культуры эпохи бронзы. Женские признаки отмечали и у статуэток минойской культуры [7, с. 261].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.: Наука, 1983.
- Pettier M.-H. Materiel funeraire de la Bactriane Meridionale de Page du bronze. P., 1984.
- Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1977.
- Ляпин А. А., Масимов И. С. Обследование памятников ранней бронзы/УАО-1973. М.: Наука, 1974.
- Wulsin F. R. Excavations at Tureng Tepe near Asterabad//Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology. 1932. V. 2.
7. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.

Институт востоковедения РАН,
Москва

PRESTIGE SYMBOLS AND ONE OF THE ARCHAIC LEADERS SIGNS

(materials from Sumbar I burial ground)

Summary

The author tries to reconstruct some signs of a public leader lived in the Late Bronze Age. The reconstruction is based on the materials found in Sumbar I burial ground in the Southern Turkmenistan. Some artifacts typical for the female burials were found in the male graves belonging to the people of a high social position which is proved by presence of maces and staves. Presence of both „male” and: „female” artifacts in the graves of possible leaders testifies that they were considered to be not only of male but also of female origin. The author connects it with the beliefs in people chosen by a spirit or a god belonging to an opposite sex. Such kind of beliefs were widely spread in the ancient and traditional' . societies and often connected with social leaders. It's also remarkable that the anthropomorphous male' statuettes spread widely in the Middle Asia and outside it contains evident female features.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

ЛЮДИ И ПРИРОДА В НЕОЛИТИЧЕСКОЙ АНАТОЛИИ

(некоторые итоги исследований 1990-х годов)

©2003

Е. В. АНТОНОВА

Раскопки конца XX в. на востоке и юго-востоке Турции дали новые материалы о культуре людей эпохи раннего неолита (IX-VIII тыс. до н.э.). Оказалось, что догвременные поселения здесь существовали уже у охотников и собирателей, а не у земледельцев. Обрядовые сооружения, скульптурные изображения из камня и глины указывают на почитание мифологизированных предков и животных.

Познавая свое общество и себя, люди всегда смотрели в зеркало природы. В окружающем мире их привлекало не только то, что способствовало поддержанию их физического существования, но и то, что позволяло понять себя через образы природы. Чем глубже в древность мы будем погружаться/тем более непосредственной будет эта связь. Особенно явно это прослеживается, в частности, по огромному количеству мифов американских индейцев, виртуозно проанализированных К. Леви-Стросом в его многочисленных работах¹. В этих мифах человека индустриального общества поражают причудливые отождествления явлений жизни живых существ (вплоть до физиологических отравлений) и явлений природы. Говоря о корнях тотемизма, К. Леви-Строс отмечал, что отбор животных в символических классификациях определялся не столько отношением к ним как к объектам питания, сколько тем, что посредством их образов облегчались процессы осмысления мира.

Бесполезно сетовать на то, что исследователи "духовной жизни" носителей живых культур находятся в лучшем положении, чем исследователи культур древних, особенно дописменных. Данных о древних культурах мало, потому с еще большим вниманием следует относиться к тем, что имеются в нашем распоряжении. При этом замечу, что методики интерпретации словесных текстов более разработаны, чем методы научной интерпретации предметов вещественных. С накоплением опыта раскопок и осмысления находок процедура раскопок становится все более сложной. Уже давно ушло в прошлое, по крайней мере, в передовых исследовательских школах, сосредоточение внимания на тех находках, которые информативны чуть ли не на этапе их извлечения из земли, - архитектурных сооружениях, скульптурах, погребальных сооружениях. Следы культуры, оставленные древними дописменными народами, воплощаются в культурном слое, и чем тщательнее он будет изучен, тем более полно может быть реконструирован окружающий мир тех или иных коллективов и взаимодействие с ним людей, их хозяйство и, самое интересное, восприятие этого мира.

Известно, что охотники и собиратели каменного века, даже обитавшие в относительно догвременных поселениях, оставили в их пределах немного изображений живых существ, а изображений растений не оставили совсем. В то же время останки животных, которые находят на таких поселениях, не только указывают на круг существ, употреблявшихся людьми в пищу или другим образом контактировавших с человеком, но и служат подтверждением того, что, очевидно, образы животных и рас-

тений осмысливались человеком и включались в его представление о мире. Вместе с тем примечательно, что в изобразительных памятниках встречаются только некоторые из представителей животных.

Перемещавшиеся с места на место охотники и собиратели каменного века не стремились систематически воплощать в пределах жилого пространства свое восприятие мира - достаточно вспомнить, что наиболее информативными свидетельствами об их "духовной жизни" до сих пор являются верхнепалеолитические пещерные и наскальные изображения, среди которых самые известные находятся во Франко-Кантабрийской области. Эти пещеры не использовались для жилья.

Символическое "одомашнивание" природы, введение ее в полном смысле в жилое пространство, происходит с переходом к производящему хозяйству в пору, когда, живя на одном месте, люди сначала интенсифицируют собирательство плодов диких растений, а затем переходят к их культивации. Более или менее одновременно (в различных регионах по-разному) происходит одомашнивание животных. История исследования таких памятников относительно недолгая, поэтому, естественно, появляются все новые данные, нередко сильно меняющие уже сложившуюся картину. Среди таких новых материалов - находки на территории Турции, на ее востоке и юго-востоке, обнаруженные в связи со строительством плотин и созданием водохранилищ. В 60-е годы XX в. впечатление открытия нового небесного тела произвели раскопки центральноанатолийского оседлоземледельческого неолитического поселения Чатал-Хююк с неожиданно богатыми и разнообразными рельефами и стенописями, хорошо сохранившимися постройками, богатой материальной культурой. Исследования на юго-востоке и востоке Турции имеют, пожалуй, не меньшее значение, в частности, потому, что они проливают свет на культуры более раннего этапа, носители которых обитали уже в постоянных поселениях, но были в основном охотниками и собирателями. Природа им благоприятствовала и до некоторых пор позволяла не заниматься трудоемким земледелием и разведением скота. Генезис протоземледельческих и раннеземледельческих культур Анатолии далек от ясности, хотя новые находки показали неправоту предположения о породившем эти культуры мощном проникновении из Леванта. Сразу замечу, что литература об этих поселениях весьма велика, и в настоящей работе я буду ссылаться на подводящий итоги важного этапа исследований сборник "Неолит в Турции. Колыбель цивилизации. Новые открытия"².

Одно из таких поселений Анатолии - Халлан-Чем, датированное концом 9 тыс. до н.э. или несколько более поздним временем, - расположено в горной местности³. Люди жили здесь долго, о чем свидетельствует мощность культурного слоя - около четырех метров. Найдены обугленные орехи миндаля, фисташек, плоды бобовых растений, но признаков злаков нет. Судя по костным остаткам, так или иначе использовали разных животных - диких коз или овец, оленей, собак, свиней, медведей, мелких млекопитающих, птиц, рыб. Есть предположение, что начали одомашнивать свиней. По-видимому, обитатели поселения проявляли интерес к месторождениям прочного вулканического стекла - обсидиана, а также меди, изделия из которой в Анатолии появились еще в неолите.

На поселении обнаружены следы круглого в плане здания, быть может, общественного (в эту пору прямоугольных в плане сооружений еще не было). На площадке диаметром 15 м найдены следы коллективного пиршества - кости животных, их рога, череп быка. Очевидно, что какие-то обряды совершали прямо на поселении. Примечательно, что изображения животных немногочисленны - это костяные змеи и стилизованная голова быка. Рукоятки пестиков венчались стилизованными головками козлов.

Обитатели этого, как и других поселений Анатолии, хорошо знали далекие окрестности, в частности, месторождения ценного сырья - обсидиана, которые находи-

лись за 100 и более километров. Широкое использование ресурсов - вообще отличительная черта образа жизни оседлых людей, занимающихся также и обменом. Примечательно, что они еще не считали целесообразным делать глиняные сосуды, хотя каменные и, вероятно, деревянные у них уже были.

Важным для понимания древнейшего прошлого Анатолии является и поселение Чайеню-Тепеси, расположенное в верховьях Тигра. На этом месте люди без перерыва жили, лишь слегка перемещаясь на протяжении 10 000 лет⁴. Основой существования служил сбор диких растений и охота на животных. В эпоху, которую археологи именуют докерамическим неолитом, производство керамической посуды еще не началось. Существование и развитие особенностей глиняной посуды - признак, удобный не только для археологических периодизаций, но и для общекультурных построений.

Природа и здесь предоставляла широкие возможности для добывания продуктов питания и развития производства - в пищу использовали дикую пшеницу (в конце периода докерамического неолита - домашнюю) и бобовые; было известно ткачество из льна. Появились первые мелкие изделия из меди - свидетельство пытливости человеческой мысли, склонности к экспериментам, особенно ощутимой на стадии перехода к производящему хозяйству, а также позднее. Охотились на дикого быка, оленя, овец или коз.

Обитатели Чайеню-Тепеси, подобно многим оседлым обитателям Передней Азии, а также других регионов, хоронили умерших на территории поселений, сооружая для останков специальные помещения. В этих сооружениях были и кости животных - части черепов дикого быка и кабана, что предполагает особое отношение человека к этим животным. Такое сближение образов умерших и представителей дикой природы все более отчетливо будет проявляться с развитием склонности человека к изобразительному творчеству. Судя по имеющимся сведениям, особым образом относились и к собаке.

Группа поселений была обнаружена при строительстве огромного гидротехнического сооружения в долине Евфрата, расположенной в районе Урфы⁵, в области, прославленной библейскими сказаниями. Здесь пролегали пути Авраама и его сородичей - неподалеку лежит древний Харран с удивительной архитектурой, до сих пор сохраняющей обаяние древности. Подножья Тавра на границе с долиной Евфрата и его притоков в период неолита изобиловали животными. Обитатели одного из поселений, Неваля-Чори, охотились на газелей, быков, кабанов, оленей, горных баранов или козлов, ослов, птиц, в том числе дроф и серых журавлей. Существует мнение, что диких овец и коз содержали как домашних. Известны изображения из глины хищных кошачьих, кабанов, эквидов, медведя, хищных птиц.

Полагают, что возделывали здесь пшеницу и бобовые, кроме того в пищу использовали дикий ячмень, фисташки, миндаль, яблоки. Можно представить, насколько благоприятны были природные условия, ведь по археологическим остаткам можно судить лишь о части рациона.

В Неваля-Чори обнаружены настоящие постройки для совершения обрядов, сооруженные с использованием камня, с каменными опорами Т-образной формы, некоторые - с рельефными изображениями (вероятно, они уподоблялись антропоморфным существам). Люди, использовавшие глину еще в ограниченных количествах, делали из камня не только постройки, но и скульптуры. Это крупные, иногда более натуральной величины фигуры людей с тщательно проработанной верхней частью — головой и лицом. Дошедшие до нашего времени в фрагментарном состоянии, они все же позволяют увидеть в этих изображениях сочетание человеческих и животных форм - у одной головы, по-видимому женской, на затылке ползет змея, изображение другой головы сочетается с изображением хищной птицы. Некоторые скульп-

туры автор раскопок немецкий археолог Х. Хауптманн уподобляет тотемным столбам североамериканских индейцев. Примечательно, что среди изображений животных, как глиняных так и каменных, фигурируют кошачьи хищники.

В этом и других поселениях, о которых пойдет речь дальше, внимание привлекает интересное явление - совмещение в пределах одного неолитического поселения (разумеется, сохранявшего традицию на протяжении долгого времени) изображений хищных животных и большого числа фигурок мужчин (в мелкой пластике древних пол не всегда бывает определен), но здесь число мужских фигурок стоячих (поза активности) превосходит число женских сидячих (поза, определяющая пребывание в некоем месте). Прежде такого соотношения в неолитических поселениях не приходилось наблюдать нигде, и оно очень симптоматично.

Другое поселение района Урфы - Гебеклы-Тепе. Его обитатели собирали дико-акустические злаки, охотились на газелей, быков, кабанов, оленей, коз и/или овец, лис. то же время они разводили коз и/или овец. Здесь, как и в Невали-Чори, возводили рядовые постройки с Т-образными опорами. На некоторых из них были рельефные изображения, в том числе львов в разных положениях - с оскаленными пастьями, рессивно поднятыми хвостами и подчеркнутыми признаками мужского пола. Изображали также извивающихся и причудливо перевитых змей; собачьих, напоминающих лис; быка, журавля. Одна из скульптур представляет собой льва или медведя с человеческой головой, расположенной между передними лапами - образ агрессии, ежде не известный, но широко распространенный в значительно более позднее время. Изображения разных животных почти не встречаются в едином поле и композиций образуют. На одной из плит наверху помещено изображение быка, ниже - собачье-), еще ниже - птицы (журавля?).

В изобразительных материалах Невали-Чори и Гебеклы-Тепе примечателен диапазон фауны - это сугубо наземные или подземные существа: змеи (в Невали-Чори едполагается и изображение черепахи между двумя антропоморфными существами на каменном сосуде); хищники, травоядные и птицы. Можно предположить, что существа, как и в позднейшие эпохи, должны были маркировать в навсегда утерянных для нас представлениях области мира, его три зоны: верх - небо, наземный мир, мир подземных существ - змей. Некоторые из этих существ, по всей вероятности, играли роль медиаторов, посредников.

В то же время на этих поселениях обнаруживаются признаки особого отношения хищным кошачьим - традиционным знакам могущества во всем мире и, в частности в Передней Азии. В связи с этим существенно, что в этих поселениях, на что мы обращали внимание, много и изображений мужчин с подчеркнутыми признаками пола, что для раннеземледельческой мелкой пластинки вообще нехарактерно, по-тому и неолитические статуэтки в старой традиции связывали с культом "богини-мари".

В раннеолитических поселениях Юго-Восточной и Восточной Турции археологические остатки позволяют проследить интересную ситуацию. В этих поселениях жили оседлые охотники и собиратели. На поселениях существовали специальные ядовитые постройки, тщательно декорированные, с крупными скульптурными изображениями. В жилых домах значительных признаков отправления обрядов не обнаруживается. Велика роль охоты, с чем по-видимому, отчасти, связана значительная роль мужских символов. Симптоматично существование изображений хищных животных - общечеловеческих знаков силы, агрессивного преобладания. Их изображение скорее всего, указывают на существование лидеров и, возможно, конкурентных отношений между ними, подобных тем, которые известны в обществах североамериканских индейцев, также охотников и собирателей. Зоны мира в представлениях этих, маркированные животными, ассоциировались с местом людей в обществе; так,

женщина принадлежала хтонической сфере, будучи связана со змеей, но не обязательно только с ней. Взаимоотношения полов, несомненно, играли существенную роль в представлениях и обрядах - на это указывают особенности трактовки тел.

Некоторые наметившиеся в этих поселениях тенденции нашли воплощение в культуре уже упоминавшегося Чатал-Хююка. Это поселение 7-6 тыс. до н.э. расположено на равнине в Центральной Анатолии. Его исследованиям посвящены многочисленные публикации, ссылки на которые можно найти в моей работе⁶, а ссылки на материалы недавно возобновленных работ - в статье английского археолога Я. Ходдера⁷.

Проводивший первые раскопки этого поселения английский археолог Дж. Мелларт полагал, что обнаруженная им часть представляла собой жреческий квартал. Основанием для такого предположения служили особенности убранства домов - рельефные изображения и росписи, наличие погребений с необычным инвентарем. Это мнение было подвергнуто сомнению. Высказывались предположения, что отличавшиеся убранством помещения не были святилищами, а являлись жилыми домами, в которых, однако, отправляли семейные обряды. Новые работы подтвердили такое предположение. Бросающееся в глаза отличие Чатал-Хююка от восточноанатолийских, более ранних, поселений - сосредоточение обрядов не в специальном святилище (хотя такое общее для обитателей селения и могло существовать, оно просто не обнаружено), а в домах.

Изобразительные памятники необычайно разнообразны для того времени. На хорошо сохранившихся стенах найдены рельефные изображения женского существа или существ в позе роженицы, фигуры оленя, леопардов, быков или коров, бычьи и бараньи головы, женские груди. Головы быков помещались на столбиках внутри помещений. В качестве основы для рельефных изображений и голов быков использовали черепа животных или стебли растений. Изображения расписывали, причем часто использовали красную краску. Стены окрашивали или покрывали росписями, изображавшими сцены охоты, умерших людей и грифов, различных животных (в том числе быков, оленей, хищников и эквидов, козлов у дерева, птиц). Весьма разнообразна палитра - черный, красный, синий, белый, розовый цвета. Есть орнаментализованные изображения растений, быть может, насекомых, человеческих рук. Известно изображение извергающегося вулкана с характерной раздвоенной вершиной - видного из поселения вулкана Хасан-даг; схематичное изображение самого поселения и, возможно, построек, куда до захоронения переносили тела умерших.

Из камня и глины делали фигурки женщин и мужчин, из глины - кабанов, леопардов(?), оленей, быков (есть образцы с нанесенными "ранами", возможно, предназначенные для охотничьих ритуалов), хищных птиц, змей. Изображения регулярно покрывали новыми слоями обмазки и краски. По предположению Дж. Мелларта, это делали весной, когда в дома переносили останки умерших, подвергшихся предварительному "выставлению" в специальном месте.

Исследования 1990-х годов дают представление о стенах дома как о своего рода мембране между семьей и окружающим миром, а изображения выполняют функции контроля и/или связи с животными, духами и предками. Рельефные изображения связываются в исследованиях с циклами существования семей, а росписи - с более короткими сроками, жизнью младших членов семей и защитой их от смерти⁸. Очевидно, что возобновившиеся крупномасштабные раскопки, проводящиеся на более высоком уровне, чем прежние, дадут много новых материалов для размышлений.

Рельефные изображения и скульптура показывают* что центральным персонажем мира представлений была мифическая женщина, вернее две женщины - юная и зрелая. Рельефных изображений мужчин пока не известно. Женщина представлена рожаящей, при этом в одном случае (скульптура) она это делает, опираясь на лео-

пардов. Рожает она человеческого ребенка, но также быка - их головы помещают под ее рельефами. Ассоциация женщины с леопардом находит подтверждение в другом центральноанатолийском поселении, Хаджиларе, где обнаружены глиняные фигурки женщин, сидящих на леопардах, держащих на руках их котят или облаченных в одежду из шкуры леопарда, иногда с хвостом. На одном, плохо сохранившемся рельефе, голова женщины увенчана чем-то вроде ушей, быть может, тоже леопардовых.

Мифологическая женщина (напоминаем, может быть, женщины) предстает как существо двойственное, амбивалентное. С одной стороны, она - подательница жизни, с другой - ассоциируется с хтоническим миром и смертью. Погребения в домах ориентируются на ее рельефные изображения. Только в женских погребениях обнаруживаются поразительные вещи - полированные зеркала из обсидиана, происхождение которого из глубин земли наверняка было известно обитателям Чатал-Хююка, так как они добывали его, делали из него различные орудия и оружие, обмениваясь им с соседями. Некоторые статуэтки представляют собой почти необработанные камни своеобразных форм, а камень - тоже порождение земли. Таким образом, почти очевидно, что женщина была связана с грозными силами земли. Леопард - хищное животное, что подчеркивается окраской его когтей в красный цвет. Вряд ли случайно, что рельефные груди иногда моделировали на основе черепов хищных существ: ласки, челюстей кабана, грифа - птицы смерти.

Есть основания думать, что в ритуалах женщины имели место бурные танцы - один из рельефов представляет ее в энергичном движении с летящими назад волосами.

Мифологический мужской персонаж по своему положению в изобразительных данных резко отличается от женского. Его нет среди рельефных изображений, из чего можно сделать вывод, что дом у "чатал-хююкцев" - по крайней мере в значительной степени - женская сфера. Но и в образе мира в целом мужской персонаж занимает менее значительное место. Его присутствие в жилом пространстве определяется, насколько можно предполагать, образом быка, по-разному реализуемом в рельефах, скульптуре, мелкой пластике. Найдены фигурки бородатого мужчины, сидящего на быке, - явное указание на его ассоциацию с этим животным.

Бык наряду с женским персонажем - постоянный элемент убранства помещений. *Чаще всего он представлен головой, черепом, облицованным глиной и раскрашенным. Ничем другим, как знаком убийства, причем убийства особого свойства, ритуального, эти бычьи головы быть не могут.* Напомним, что, по предположению Меллаарта, обновление убранства построек, а значит и бычьих голов, приходилось на весну.

² Подобно мифологическим женским существам, мужские представлены в двух возрастах - зрелого человека (с бородой) и юноши, который изображается едущим на опарде. Это обстоятельство указывает на связь юноши с женскими персонажами, зость которых к леопарду не вызывает сомнений. И здесь - чрезвычайно интересный момент.

В ходе раскопок Дж. Меллаарта были найдены настенные изображения охот, участниками которых, скорее всего, были люди мужского пола, вооруженные, в частности, луками. Удалось проследить, что иногда эти персонажи были одеты в леопардовую шкуру - знак женского мифологического персонажа. Данное обстоятельство дводит к пониманию роли изображений охоты, а также значительной части убранства помещений, где происходили обряды.

Итак, вероятное время обновления убранства помещений, создания новых изображений, совершения погребений - весна. Во всех традициях земледельцев время экивления природы - один из важнейших моментов года (впрочем, это верно и для

тех, кто занимался присваивающимся хозяйством). Естественно приурочивая этому времени различных обрядов, в частности, тех, участниками которых был лодые люди, демонстрирующие свою способность перехода к жизни взрослых чего им было необходимо пройти через испытания. Таким испытанием служила та на мощных животных – быков и оленей. Примечательно, что в росписях ф людей, окружающие животное, показаны в чрезвычайно смелых позах – неко из них висят на хвосте зверей, другие – на их языке, и все находятся в опасной сти от животных, демонстрируя свою удаль.

Эти мотивы напоминают более поздние критские игры с быком, участника торых были молодые люди, и историю о Тезее и Минотавре. Тезей с группой дых людей отправился на Крит именно весной, и, выдержав испытание» верну родину. О возможной близости этих обрядов и того, что могло иметь место в Ч Хююке, мне уже приходилось писать⁹.

Чатал-Хююк – поселение земледельцев, возделывавших землю и приносив жертву зерно. Не очень ясно, был ли ими одомашнен бык, но в любом случае в о и мифах большую роль играло именно это животное, рожденное мифологической шиной и периодически умерщвляемое. Различия в материальных свидетельствах дов и представлений с теми, которые известны из Юго-Восточной и Восточной Т* более раннего времени, очень заметны. Чатал-Хююк и подобные ему поселения, мало известные, относятся к новому этапу осмысления мира. Природа более ОДДЕ от общества, хотя в условиях традиционного сельского хозяйства не может быть, противопоставлена. Однако общество движется в данном направлении. В этой связи мчательно, что женское существо имеет большее значение в земледельческой дер Чатал-Хююке, где оно почитается в пределах семей (об ином пока трудно судить), ч поселениях оседлых охотников и собирателей.

В античном мире были хорошо известны божества анатолийцев, олицетворяв грозные и благодетельные силы природы – Кибела и Аттис, а также многочис ные богини, почитавшиеся по всей Анатолии. Их культ был оргиастическим, и мужские партнеры – сыновья и возлюбленные – выступали как гибнущие от их тягательной силы, но потом, благодаря этим же богиням, появляющиеся вновь, ризы погоды горной страны Анатолии управлялись этими божествами, в оргиаст ских культах. В воинственных плясках сопровождающих их духов звучат голоса в ров и бурь. В осмыслении этих природных явлений просвечивает социаль; ситуация. Специфика женского характера в условиях, когда женщина не играет п чиненную роль, переносится на явления природы. Конечно, все эти представле вернее их элементы, существовали и прежде, но у настоящих оседлых земледель; они уже отлились в формы, которые до нас благодаря античным источникам; хотя персонажи мифов неолитических людей еще не стали богинями и богами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На русском языке см. например: *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994; *он же.* Путь, сок. М., 2000.

² Neolithic in Turkey. The Cradle of Civilization. New Discoveries. Ed. Ozdogan M., Bağelen N. Istanbul 1999.

³ *Rosenberg M* Hallan Cemi // Neolithic in Turkey...

⁴ *Ozdogan A.* Cayonu // Neolithic in Turkey...

⁵ *Hauptmann H.* The Urf a Region // Neolithic in Turkey...

⁶ *Антонова Е.В.* Обряды и верования первобытных землевладельцев Востока. М., 1990.

⁷ *Hodder I.* Renewed Work at Catalhoyuk // Neolithic in Turkey...

⁸ Ibid.

⁹ *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. С. 21

III ©1998 г.

III

Е.В. Антонова

I ПРИЗНАКИ ВЫСОКОГО СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

II В МЕСОПОТАМИИ V-IV тыс. до н.э.*

III L ^Г^- орошо известно, как трудно выявить признаки явлений жизни общества на
,, I }С ранних этапах их бытования. В полной мере это справедливо, когда речь идет и
| о явлениях периода формирования государственных образований Месопотамии.
:\ Это время - «мертвая зона» для историков, опирающихся на письменные
р. свидетельства, поскольку таковые или еще не существуют, или, возникнув, лишь в
;* малой степени отражают состояние общества во всей его сложности. Многие, даже
i существенные, стороны характеризуются в общем виде. Так, в отечественной науке
; распространено мнение о долгом сохранении архаичных, эгалитарных форм об-
щественного устройства в Шумере.

IV Говоря о начале III тыс. до н.э., конце Протописьменного периода, И.М. Дьяконов
• отмечает, что в это время «в бытовом отношении между различными категориями
трудового населения и даже людьми, принадлежавшими к возникшей верхушке об-
щества, было очень мало разницы». Лишь как свидетельство отдаленных связей рас-
сматривает он пользование каменными и металлическими сосудами, украшениями из
привозных минералов. По его мнению, жилищами всем служили хижины, а бытовой и
технический уровень развития общества по сравнению с «позднейшими истори-
ческими эпохами» был невысок¹. Изменения в укладе жизни на протяжении дли-
тельного периода от заселения Нижней Месопотамии (конец VI тыс. до н.э.) до конца
IV тыс. до н.э. И.М. Дьяконов расценивает как весьма незначительные. «Более чем за
три тысячи лет, прошедших со времен ас-Саввана, в Южном Двуречье в историческом
отношении мало что изменилось. Протекло более ста поколений. За это время стали
употреблять больше медных изделий, несколько изменились формы глиняной посуды
и с нее исчез расписной орнамент. Посуду стали делать на гончарном круге, что,
может быть, указывает на начавшееся выделение в общине ремесленников-про-
фессионалов»².

V Таким рисуется состояние общества с точки зрения историка, главный и самый
надежный источник которого - письменные документы, а памятники, традиционно
составляющие «обиход» археологов, предстают как более или менее полезная
иллюстрация к свидетельствам текстов. Представляется, однако, что при реконст-
рукции явлений дописьменной и раннеписьменной древности Месопотамии архео-
логические остатки имеют первостепенное значение, а для их интерпретации про-
дуктивно использование не только ретроспективно рассматриваемых свидетельств
письменных текстов позднейших эпох (эффективность этого подхода ярко про-
демонстрировали исследования Т. Якобсена), но и концепции этнологов, накопивших
богатейший материал об особенностях общественных отношений периода перехода
от поздней первобытности к ранним государствам.

VI Действительно, на первый взгляд изменения в общественных отношениях и образе
жизни на юге Месопотамии в V - первой половине IV тыс. до н.э. могут производить

Статья написана при поддержке РФГФ (код проекта 95-06-17406).

¹ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабо-
владельческих цивилизаций. Ч. 1. Месопотамия. М, 1983. С. 128.

² Там же. С. 109.

впечатление незначительных по сравнению с теми, которые столь выразительно фиксируются как письменными документами, так и археологическими находками Раннединастического периода. Социально-имущественное расслоение в то время ярчайшим образом демонстрируют погребения, самые информативные из которых обнаружены в остающемся столь таинственным «Царском некрополе» Ура. Стены городов, постоянное хорошо вооруженное войско, накопление земель в руках элиты и безусловные свидетельства существования слоя, сосредоточившего в своих руках управленческие функции, перераспределение материальных благ, создаваемых трудом земледельческого населения, ремесленников, наконец, захваченных в ходе постоянных войн пленников, - все это свидетельствует о существовании в государствах - «номах» Шумера слоя элиты, члены которого сохраняли свой статус из поколения в поколение. Не может возникнуть сомнений, что образ жизни знати Раннединастического периода резко отличался от того, который был присущ основной массе населения городов и тем более сельских поселений. Знать имела значительное количество зависимых людей, обстановка ее домов, утварь, одежда и украшения, пища и напитки, времяпрепровождение, - все это отличало ее от основной массы населения.

Так было в Ранне династическом периоде. Существенно иную картину рисуют свидетельства предшествующих эпох, периодов Урук и Джемдет-Наср (Урук - 4000-3100 гг. до н.э., Джемдет-Наср - 3100-2900 гг. до н.э.)³. Эти два периода, которые есть основания рассматривать как одну эпоху, когда наблюдаются признаки развития единого процесса, представляют исключительный интерес. Именно в это время появляются и численно увеличиваются крупные поселения-центры с храмами и администрацией, регулирующей экономическую и иную жизнь обитателей объединенной вокруг них сельскохозяйственной округи. Все более явны признаки специализации различных форм деятельности, от ремесла до дифференцированного по своим функциям аппарата управления. В позднем Уруке или Джемдет-Насре на печатях, сосудах и рельефах «меморативного» характера появляются изображения лидера, получившего на основании ситуаций, в которых он фигурирует, условное наименование «царь-жрец». Он обладает рядом внешних признаков, отличающих его от других участников передаваемых действий, и, безусловно, занимает выдающееся положение. Возникает вопрос - что представлял собой тот слой, к которому принадлежали эти лидеры? Выделялись ли они какими-то признаками из массы общинников - обитателей городков и поселений и какими эти признаки были? Нет сомнений, что, выясняя особенности элиты того времени, мы говорим о предшественниках тех людей, с которыми так или иначе связаны погребения Раннединастического периода, кто предводительствовал в военных походах и управлял, по общему признанию и уже без всяких оговорок, настоящими государственными образованиями.

Для изучения вопроса представляется целесообразным обратиться к эпохе, предшествующей урукской, к периоду Убейда, от которого, по долго бытовавшему представлению, сохранились лишь черепки расписной посуды, немногочисленные орудия и следы жалких жилищ типа тростниковых хижин.

В археологии одна из самых информативных категорий памятников, дающих сведения о социальной структуре, - погребения. Из них происходит массовый материал, что позволяет снять случайные признаки и выявить главные тенденции развития тех сторон общественной жизни, которые могут здесь запечатлеваться. Однако становится все более ясным, что погребальный обряд в археологическом преломлении не дает зеркального отражения социально-имущественных отношений хотя бы потому, что многие его моменты остаются за пределами картины, фиксируемой археологами. Не известно, какие действия совершались перед и после помещения останков в могилу, как правило, остаются неизвестными надгробные

³ Porada E., Hansen D.P., Babcock S.H. The Chronology of Mesopotamia, ca. 7000-1600 B.C. // Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, 1992.

сооружения. В определенных случаях правомерно предположение, что высокое социальное положение умершего находило выражение не в обильном сопровождающем инвентаре, а в многолюдных тризнах и «пышных» намогильных сооружениях. Возникает вопрос: каким образом отражается в обращении с умершими жизнь живых, которые, отправляя его в иной мир, продолжают существовать и отнюдь не желают (вероятно, как правило, во все эпохи человечества) направлять чрезмерные усилия на то, чтобы снабдить их обильными приношениями, с точки зрения археолога - «инвентарем»⁴. Наконец, следует учитывать обстоятельства получения данных из раскопок древних некрополей, подобных убейдским, в Эреду и Уре: здесь изучались компактные группы погребений, скорее всего принадлежавшие семейным группам, имущественное положение членов которых было примерно равным. Различия в инвентаре могут определяться в таком случае половозрастными особенностями.

Учитывая все сказанное, обратимся к одному из крупнейших комплексов погребений убейдской культуры, раскопанному в Эреду. Здесь из обширного некрополя, содержавшего, по предположениям, примерно 1000 погребений, раскопано около 200⁵. Инвентарь очень скромный: в основном это глиняные сосуды. Примечательно, однако, различие в их количестве - лишь в 12 погребениях обнаружено более 5 сосудов, в то время как в подавляющем большинстве их было по одному (132 погребения) или по 2-3 (58 погребений)⁶. Прослежена тенденция помещать относительно большое количество сосудов с умершими, положенными не в простые ямы, а в ямы с обкладкой из сырцового кирпича или вымосткой на дне.

Инвентарь погребений мужчин, женщин и детей несколько различается, что, вероятно, указывает на существование половозрастных градаций⁷.

Заслуживает внимания такой признак относительного богатства, как количество сосудов. Большое их число - свидетельство не только заботы об умершем, снабжаемом пищей и питьем, но и, как можно думать, многочисленности участников погребальной церемонии, что предполагает высокий статус умершего: чем больше коллектив, тем больше его социальные и экономические возможности и, следовательно, престиж. Таким образом, относительно большое количество сосудов в погребениях (отмечено, что в женских, а не мужских⁸) в могилах с кирпичными выкладками может указывать на существование более многочисленных по сравнению с прочими, а значит, более сильных семей.

Погребения в Эреду относятся к позднему этапу убейдской культуры; к этому же времени принадлежат погребения, исследованные в Уре. Здесь выявлена тенденция: в позднейших погребениях больше, чем в предшествующих, встречено бус, есть явно ценные сосуды, сделанные из камня, а также навершие булавы и каменный топор, которые, весьма вероятно, были знаками социального статуса⁹ (булава изображена в руках глиняных фигурок мужского мифологического существа этого времени).

⁴ Barrot J.C. The Living, the Dead and Ancestors: Neolithic and Early Bronze Age Mortuary Practices // The Archaeology of Context in the Neolithic and Bronze Age: Recent Trends / Ed. J.C. Barrot, J.A. Kinnes. Scheffields, 1988. P. 31.

⁵ Safar P., Mustafa MA., Lloic S. Eridu. Baghdad, 1981. P. 119.

⁶ Wright H.T., Pollock S. Regional Socio-Economic Organization in Southern Mesopotamia: the Middle and First Millennium // Prehistoire de la Mesopotamie La Mesopotamie prehistorique et l'exploration recente du Djebel Hamrin. P., 1987. P. 327.

⁷ Половозрастные различия в инвентаре погребений зафиксированы в Месопотамии и в более позднее время. Так, погребения в некрополе А Киша (Раннединастический III) с небогатым инвентарем принадлежали к одной социальной группе; в сопровождающем инвентаре сильны различия в зависимости от пола и возраста. Примечательно, что в синхронном некрополе V обнаружены погребения с богатым инвентарем, явно принадлежавшие социальной верхушке (Forest J.D. Les pratiques funéraires en Mesopotamie. Du cinquième millénaire au début du troisième. P., 1983. P. 130; Breniquet C. La cimetière A de Kish. Essai d'interprétation // Iraq. 1984. XLVI. P. 27).

⁸ Wright, Pollock. Op. cit. P. 327.

⁹ Ibid. P. 319.

Аналогичная картина слабо дифференцированного общества складывается на основании исследований погребений убейдского времени на Тепе-Гавре¹⁰.

Один из самых выразительных признаков социального состояния общества - архитектурные сооружения, как общественного назначения, так и жилые дома. Долгое время постройки убейдской культуры были известны плохо; наилучшим образом сохранились раскопанные в Эреду, которые сочли за храмы. Это сооружения, возведенные над предшествовавшими им простыми, трехчастного плана с большим центральным помещением и рядами небольших комнат, обрамляющих его с двух сторон. Вход находился в длинной стене, а у короткой в центральном «зале» располагалось возвышение. Разработанность планировки, аналогичной планировке более поздних шумерских храмов, наличие элементов не только конструктивного, но и декоративного характера, существование подиумов, напоминающих позднейшие алтари, следы обрядовых действий, наконец, расположение этих сооружений на том же месте, что позднейшие храмы, - все это послужило основанием для их интерпретации как сакральных сооружений¹¹. Таким же образом интерпретированы постройки Тепе-Гавры¹². Эти предположения стали общепринятыми и кочуют из научных работ в популярные и обратно. Интерпретации способствовало в немалой степени и представление об одновременных жилищах как небольших хижинах, на юге Месопотамии в основном тростниковых.

В ходе недавних раскопок удалось установить, что сырцовые дома трехчастного плана были распространены очень широко - они обнаружены как в средней части Месопотамии, в долине Диялы, так и на юге. В пределах поселений они отнюдь не были особыми, отличающимися от явно жилых домов. В многокомнатных хорошо спланированных домах центральное, прямоугольное или Т-образное помещение отличалось размером от более или менее симметрично расположенных небольших комнат. Входы находились в короткой торцевой или длинной стене.

Небольшие постройки трехчастного плана один из их исследователей, Ж.-Д. Форэ, считает жилыми домами. Он полагает, что небольшие боковые помещения предназначались для мужской и женской половин семейных коллективов, а Центральное помещение - для разнообразной деятельности всех обитателей дома¹³. Большие же сооружения он и некоторые исследователи¹⁴ считают не жилыми, а общинными домами или домами приемов вождя.

Среди крупных построек наибольшую информацию дают обнаруженные в Эреду (слой XI-VI), Уруке, Тель-Укайре и два из трех так называемых храмов XIII слоя Тепе-Гавры¹⁵. Средняя площадь таких сооружений - 200 м², в то время как жилых домов аналогичной планировки - 130 м². Стены крупных построек относительно толстые и установлено, что в некоторых случаях их возводили на специально сооруженных цоколях и террасах. Примечательно, что в этих домах центральный пролет имел ширину около 4,5 м; в то время как в небольших она была на 1,5 м меньше. Следовательно, балки перекрытий в первом случае были большей длины, что имеет особое значение для определения назначения таких сооружений, т.е. Месопотамия бедна строительным лесом. Стены внутри иногда окрашивали.

Центральное помещение в больших сооружениях занимало около половины общей

¹⁰ Forest. Les pratiques... P. 58.

¹¹ Lloid S., Safar F. Eridu. A Preliminary Communication of the First Season's Excavations // Sumer. 1947. V. 3. N 2. P. 48.

¹² Van Buren E.D. A Lesson in Early History: Tepe Gawra // Orientalia. 1951. V. 20. N 4.

¹³ Forest J.D. La grande architecture obeidienne. Sa forme et sa fonction // Prehistoire de la Mesopotamie... P., 1987. P. 385.

¹⁴ Aurenche G. La maison orientale // L'architecture du Proche Orient Ancien des origines au miliiiiiie du quatrieme mill. B.C. P., 1981. P. 224 f. Недавно получены сведения, что в центральном зале в качестве опоры использовали столбы, стоявшие в один или два ряда, иногда на кирпичных основаниях (Nasef Kh. Archaeology in Iraq // AJA. 1992. V. 96. N 2. P. 319).

¹⁵ Forest. La grande architecture...

площади, в обычных же домах - около трети. Удалось установить, что в некоторых случаях пространство этого «зала» членилось на три зоны. В дальней, у противоположной входу торцевой стены, располагалось возвышение - «подиум», это было место для привилегированных посетителей. В этой части к «залу» примыкали две или более боковых комнаток и в некоторых случаях находился дополнительный вход. У главного входа помещался очаг для приготовления пищи, которую подавали сидящим в «зале». Средняя часть предназначалась для обычных посетителей. Таким образом, степень почетности места возрастала по мере удаления от входа и очага с его неприятным дымом. Боковые помещения могли служить хранилищами припасов¹⁶.

Предполагаемый аналог этих сооружений - «гостевые дома» болотных арабов Южного Ирака, владельцами которых были шейхи. Эти прямоугольные в плане тростниковые конструкции имели площадь около 75 м² и высоту до 6 м¹⁷. Основой служили столбы из связок гигантского тростника; Из их верхушек выводили арки - основу сводчатой крыши. Промежутки между столбами и арками закрывали узорчатыми плетеными циновками. Видевшие эти сооружения отмечают замечательный эффект, создававшийся элементами конструкции и циновками¹⁸. Несмотря на специфичность непрочного строительного материала, убогими их назвать невозможно. Такие дома были не только местом приема пришедших в поселение гостей, здесь, шейхи отдавали распоряжения относительно хозяйственных работ, разрешали споры между сородичами; они не предназначались специально для отправления обрядов, но здесь могли молиться, и их входы были обращены в сторону Мекки¹⁹. Эти постройки, располагавшиеся рядом с жилыми домами шейхов, были средоточиями общественной жизни, руководимой родоплеменными предводителями. Наряду с домами, сооруженными шейхами, в селениях болотных, арабов были и другие гостевые дома, которые могли строить лишь люди высокого социального статуса²⁰.

Симптоматично, что традиционно считающиеся храмовыми убейдские постройки трехчастного плана не несут каких-либо признаков особой, ритуальной деятельности. Найденные здесь остатки могут свидетельствовать лишь о коллективных трапезах. Скорее всего можно предполагать вслед за Ж.-Д. Форэ, что это были общественные сооружения, строившиеся под «патронатом» общинных лидеров. Они, подобно: гостевым домам машарабов, были знаками социального престижа элитарных семей, а также престижа всей общины, на территории которой они находились. Надо отметить высокий уровень строительной техники: убейдцы умели строить двухэтажные здания.

Неслучайно в связи с убейдскими сооружениями возникает тема коллективной трапезы. Среди форм престижного поведения на завершающем этапе первобытнообщинного строя, а также и позднее коллективным трапезам принадлежит особое место. Организаторы таких пиршеств обладали материальными возможностями для их устройства и поддерживали таким, в частности, образом свой высокий социальный статус²¹. Коллективными трапезами у обитателей Месопотамии, как известно из позднейших свидетельств, сопровождались все значительные события; незнаком знаком, обозначающим народное собрание, был рисунок сосуда²². Следы трапез трудно обнаружить в культурном слое, хотя на их существование указывают сосуды в погребениях: по-видимому, умерший предстает как участник коллективной трапезы, что реализуется или в большом числе сосудов непосредственно в погребении, или в следах тризны. Сосуды в погребениях суть знаки регулярных под-

¹⁶ Ibid. P. 392.

¹⁷ Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. М., 1981. С. 59.

¹⁸ Тэсиджер У. Озерные арабы. М., 1982. С. 18 сл.

¹⁹ Там же. С. 16 сл., 38.

²⁰ Там же. С. 59.

²¹ История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 382.

²² Дьяконов ИМ. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959: С. 138.

ношений еды и питья во время обрядов в честь умерших, данные о которых многочисленны в Месопотамии письменного периода.

Примечательно, что на юго-западе Ирана, соседней с Месопотамией и близкой ей в культурно-историческом плане территории, археологами найдены реальные следы коллективных трапез в жилищах семей, занимающих относительно высокое социальное положение.

При раскопках поселения Фарухабд на равнине Дех Луран в слоях середины V тыс. до н.э. были обнаружены постройки, стоявшие на кирпичной платформе; одна из построек отличалась особым убранством: ее стены были декорированы плитками. Рядом с ней располагалось нечто, похожее на хранилище. У этих домов сосредоточены фрагменты многочисленных конических чаш, а в помещении у входа в один из них обнаружено несколько «наборов» целых сосудов такой формы. Руководители раскопок предполагают, что здесь происходили пиршества с большим количеством участников, а конические сосуды служили емкостями для напитков. Устроителями пиршеств могли быть члены высокопоставленного семейства²³.

Из этнографических данных известно, что социальная неравнозначность воплощалась и в такой немаловажной сфере обыденного поведения, как набор продуктов питания. Обитатели одного из комплексов Фарухабда, образ жизни которых, судя по остаткам, в других отношениях мало отличался от того, какой вели жители менее тщательно построенных домов, возможно, питались несколько иначе: здесь часто встречаются кости газели, в то время как близ остальных домов часты находки костей диких представителей семейства лошадиных²⁴. Аналогичная картина обнаружена при раскопках поселения Тепе-Сабз на той же равнине Дех Луран, где около тщательно построенного дома найдено больше, чем около других, костей газели (а также венчиков плоских чаш), а не онагров, овец и коз, как возле других построек²⁵.

Возвращаясь к погребальному инвентарю убейдских погребений, безусловно, относящихся ко времени широкого распространения медных изделий, приходится констатировать их едва ли не полное отсутствие, во всяком случае на юге Месопотамии. Неоднократно подчеркивалось, что этот регион крайне беден полезными ископаемыми, металлическими рудами и камнем. Обитатели Нижней Месопотамии, выращивавшие огромные по тем временам урожаи благодаря использованию приемов ирригации, должны были крайне бережливо относиться к вещам из материалов, которые они получали из отдаленных областей путем обмена. Ценность каменных и металлических вещей была весьма велика, естественно, что их не помещали в погребения, по крайней мере систематически. Можно думать, что такие вещи оставались у живых преемников умерших, частично шли в переработку, частично служили знаками высокого социального положения. О том же, что вещи - знаки престижа - в самом деле бытовали, позволяют думать не только единичные находки в погребениях, но и вещи из некрополя Суз, синхронного Убейду.

В отличие от юга Месопотамии равнина Сузианы находилась в более выигрышном положении из-за близости к Иранскому плато с его рудными залежами. Поэтому уже в убейдское время здесь допускалось такое расточительство, как помещение в могилы металлических вещей. В некрополе Суз I были найдены медные диски и плоские тесла-топоры без следов использования. Диски исследователи нередко называли зеркалами, топоры определяли как своеобразно оформленные слитки металла²⁶. Ф. Хоул сравнил эти вещи с изображениями на синхронных сосудах, где встречается фигура антропоморфного персонажа, стоящего между двух столбов с треугольниками на вершущах. Встречаются и изображения существа, голова которого увенчана двумя расположенными один над другим кольцевидными предметами. Эти изображения

²³ Early Town on the Den Luran Plain. Excavations at Tepe Farukhabad / Ed, H.T. Wright. Ann Arbor, 1981. P. 65 f.

²⁴ Ibid. P. 65 f.

²⁵ Ibid. P. 66.

²⁶ Amiet P. L'Age des echanges inter-iraniens 3500-1700 avant J.-C. P., 1986. P. 36.

Ф. Хоул сравнил с более поздними на сузских печатях, где рогатый персонаж, занимающий центральное положение в композициях, носит на груди нечто вроде круглого медальона.

Атрибуты персонажа керамических сосудов изображались отдельно в виде копьевидных стержней по одному или парами, колец - по две пары или по три на прямоугольном основании. По предположению Ф. Хоул а, копьеобразный предмет условно передает плоский топор-тесло на рукоятке. Реальные прототипы этих предметов - тесла, которых в некрополе Суз I было найдено около 60. Такие тесла могли, по его мнению, служить церемониальными вариантами земледельческой мотыги, символами труда земледельцев, аналогичными известным позднее в Месопотамии как атрибут Мардука²⁷.

Знаками лиц высокого социального положения могли быть и медные диски, которые носили как медальоны на, груди. Они обнаружены в 50 захоронениях.

Ф. Хоул, исходя из того, что Ж. де Морганом было раскопано около 2000 погребений некрополя, рассчитал размер группы лиц особого социального положения, атрибутами которых были топоры-тесла и медальоны из меди: она составляла около 3% - таково число людей, в ведении которых находилось управление.

Данные погребений и архитектурных сооружений, позволяющие говорить о существовании элитарных семей, подкрепляются памятниками глиптики: в убейдское время, по крайней мере, на севере Месопотамии появляются печати-штампы с изображениями рогатого персонажа, совершающего обрядовые действия, что свидетельствует о наличии в обществе лиц с особыми сакрально-управленческими функциями, о чем автору настоящей статьи уже приходилось писать²⁸.

Дж. Оутс, сделавшая так много для изучения дописьменной истории Месопотамии, неоднократно отмечала, что обширные поселения убейдского времени (до 11 га), торговля на далекие расстояния с регионом Персидского залива, Северной Сирией и Ираном сигнализируют о растущей потребности или даже о существовании централизованной власти, но ни жилые дома, ни погребальный инвентарь не позволяют говорить о социальной стратификации²⁹. Представляется, что с этим выводом нельзя согласиться. Имеющиеся, пусть пока и разрозненные, факты допускают возможность сложения уже в убейдскую эпоху, по крайней мере в ее конце, слоя элиты, формирования культурных норм, присущих именно ей. С точки зрения этнолога, памятники искусства этого времени отвечают признакам искусства предклассового общества³⁰. Элита складывается в формах, присущих ей именно в Месопотамии, в условиях структуризации социальных образований на основе интенсифицированного земледелия, животноводства, широкомасштабного обмена, растущей роли ремесленного производства, а не грабительских набегов, захватов чужих территорий и материальных богатств. Люди, в том числе лидеры, здесь не могли позволить себе захоронить сокровища со своими умершими. Они были бережливы.

С наступлением Урукского периода и тем более периода Джемдет-Насра появляется все меньше сомнений в существовании не только социальной, но и имущественной дифференциации. Тем не менее, по мнению И.М. Дьяконова, в Протописьменный период, т.е. во время позднего Урука-Джемдет-Насра, социальное разделение остается неотчетливым. Знать образовывала тонкий слой владельцев крупных земельных наделов, которые обрабатывали члены патриархальной семьи и вспомогательная рабочая сила, рядовые общинники принадлежали к тем же родам. И.М. Дьяконов полагает, что внешние признаки социально-экономического рассло-

²⁷ Hole F. Symbols of Religion and Social Organisation at Susa // The Hilly Flanks. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia. Chicago, 1983.

²⁸ Антонова Е.В. Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // ВДИ. 1991. № 2.

²⁹ Oats J. Urban Trends in Prehistoric Mesopotamia // La ville dans le Proche Orient Ancien. Les cahiers du Centre d'Etude du Proche-Orient Ancien. Univ. Geneve. Leuven, 1979. P. 89.

³⁰ История первобытного общества... С. 395.

ния, выражающиеся в одежде, причёске, украшениях, жилищах, столь слабы, что можно говорить об их отсутствии³¹.

Для того чтобы представить себе социальную ситуацию, какой она рисуется на основании археологических памятников, обратимся к данным погребений. Они известны не лучше, чем погребения предшествующей эпохи, но тем более показательны изменения, произошедшие в их инвентаре.

Наиболее представительные данные получены при раскопках северомесопотамской Тепе-Гавры. Здесь в слое ХІА обнаружено погребение молодого человека с булавой³². В позднеурукских погребениях резко возрастает количество украшений из золота, найденных, в частности, и в этом погребении. Возрастает число бус, прежде немногочисленных; они использовались, например, для украшения одежды: в некоторых погребениях их найдено по несколько тысяч³³.

Необычно, по сравнению с предшествовавшим временем, богатым становится инвентарь в погребениях Тепе-Гавры периода Джемдет-Насра. С умершими клали украшения из золота, лазурита, бирюзы, электра, сложные в изготовлении костяные гребни и булавки с навершиями. Из электра выполнен безусловный знак высокого социального статуса - навершие в виде головки волка³⁴.

К сожалению, не вполне ясно, к какому периоду - Джемдет-Наср или уже Раннединастическому - относится ряд погребений из «Царского некрополя» Ура³⁵. Л. Вулли разделил их на три хронологические группы³⁶. В 16 из 54 погребений ранней группы найдены свинцовые и медные сосуды; из 130 погребений средней группы сосуды из этих же металлов встречены в 26 погребениях; из 148 погребений поздней группы сосуды и другие металлические вещи (в том числе булавки и зеркала) обнаружены в 22 погребениях. Законное удивление вызывает обилие металлических сосудов, особенно из такого редкого для этого времени металла, как свинец³⁷.

В некрополе на телле Ахмед аль-Хатту, обнаруженном при сооружении Хамринской дамбы в долине Диялы, раскопаны каменные погребальные сооружения с металлическими и каменными сосудами. Эти погребальные сооружения, относящиеся к периоду Джемдет-Наср, по мнению автора раскопок, принадлежали лицам высокого социального статуса³⁸.

В Телль-Хафадже (долина Диялы) под жилами постройками было найдено небольшое количество погребений, что предполагает существование особого некрополя. Обращает на себя внимание относительное обилие инвентаря погребений периода, переходного от Джемдет-Наср к Раннединастическому: в одном из них найдено 60 каменных бус, два каменных косметических сосуда, каменное блюдечко и три керамических сосуда. В другом - около 80 каменных бус, каменный косметический и два керамических сосуда. В одном из погребений не было иных вещей, кроме 29 керамических сосудов³⁹.

Выше характеризовались жилища предшествующего периода, убейдской культуры. Хотя данные о домах Урука - Джемдет-Насра очень незначительны, все же есть основания полагать, что жилища этой поры не уступали убейдским. В Хафадже были обнаружены остатки многокомнатных домов, среди них были и двухэтажные⁴⁰.

³¹ История древнего Востока... С. 144.

³² *Tobler A.* Excavations at Tepe Gawra. V. 2. Philadelphia, 1950. P. 116.

³³ *Forest.* Les pratiques... P. 72.

³⁴ *Tobler.* Op. cit. P. 92.

³⁵ *Moorey P.R.S.* The Archaeological Evidence for Metallurgy and Related Technologies in Mesopotamia c 5500-2100 B.C. // Iraq. 1982. 44. P. 23.

³⁶ *Wolley L.* Ur Excavations. Early Periods. Philadelphia, 1955. P. 104 (Ur Excavations. V. 4).

³⁷ *Moorey.* Op. cit. P. 23.

³⁸ *Eickhoff T.* Begrabnissitten in der Nekropole von Tell Ahmed al-Hattu Hamrin // Prehistoire de la Mesopotamie...

³⁹ *Delougaz P., Hill H.D., Lloid S.* Private Houses and Graves in the Diyala Region. Chicago, 1967. P. 69, 71 f., 75 f. (OJP. V. LXXXVIII).

⁴⁰ *Ibid.* P. 5, 6, 275.

Традиция сооружения домов подобной планировки сохраняется и в раннединастическое время. Жилища горожан второй половины IV - начала III тыс. до н.э. скрыты под многометровыми отложениями культурного слоя. Но относительно гавно в Северной Сирии исследовались поселения, которые есть основания считать юруженными переселенцами с юга Месопотамии позднеурукского времени, причем троенными сразу по единому плану. Обнаруженные в Хабуба-Кабире и Джебель-бурде материалы (керамика, печати) не отличаются от урукских. Наряду с жилыми (Омами - многокомнатными, группирующимися вокруг центрального двора, >аскопаны явно храмовые сооружения традиционного для Нижней Месопотамии гана⁴¹.

Об образе жизни и отличительных признаках быта элиты последних столетий перед Ранне династическим периодом позволяют судить не только принадлежавшие ей <вещи и сооружения. То, что известно об архитектуре храмов и о находившихся там ячах из камня и металла, о произведениях профессиональных резчиков и ювелиров, <т все это указывает на существование общественного слоя, который располагал в <своем быту ценными и высокохудожественными вещами, близкими тем, которые <^предназначались для хозяйства бога-покровителя «нома».

С-о Отсутствие среди погребений эпохи Урука и Джемдет-Насра, резко выделяющихся Своим богатством, подобных обнаруженным в раннединастическом "Царском некро-мкше" Ура, можно объяснить не столько сохраняющейся эгалитарностью, сколько желанием верхнего слоя эту эгалитарность прокламировать. Оправданием усиливающегося неравенства служил миф, по всей видимости, в это время сложившийся в -жреческой среде, о призвании всех людей независимо от их положения, каждого «на ^Царем посту» трудиться для богов-создателей и зиждителей человечества⁴².

, Многочисленные находки ценных вещей в храмах указывают на сосредоточение в ших богатств, накопленных всем обществом. Храмовый персонал так или иначе ^пользовался этими вещами, был причастен их высокой социальной значимости. Те, кто совершал обряды в честь божеств или руководил разнообразной деятельностью, Члсредоточенной в храмовых хозяйствах, очевидно, обладали высоким престижем, <резко выделяющим их из тех, кто в силу своего положения не мог достигнуть этих ^должностей, требующих особых знаний и принадлежности к социальным верхам.

: " Один из явно различимых путей приобретения высокого статуса - принадлежность к храмовому хозяйству бога. Изображения персонажа с колосом, «кормильца стад» <божества, отправителя «священного брака» передают обряды, совершавшиеся, по ^крайней мере отчасти, публично. В них пропагандировалась значимость элиты, ритуальная деятельность которой должна была стимулировать производство. (Ана-логична связь высокого социального статуса на Кипре позднебронзового времени с добычей и распределением меди и распространением символических изображений «носильщиков слитков». Такая близость между металлургической мастерской и церемониальной структурой может непосредственно символизировать священный характер медного производства и одновременно демонстрировать связь между его руководителями и производителями продукта⁴³.)

Уровень богатства общества резко возрастает в Раннединастический период, завершая тенденции, существовавшие на протяжении Убейда, Урука и Джемдет-Насра. Богатство сосредоточивается в крупных городах. Показательны данные «Царского некрополя» Ура. Речь не идет при этом о самых богатых погребениях, поскольку статус погребенных в них людей остается неясным⁴⁴. Р. Мак Адаме

⁴¹ Van Driel G., Van Driel-Murray C. Jebel Aruda 1977-78 // Akkadica. 1979, 12 (Leuven); Strommenger E. Habuba Kabira. Eine Stadt vor 5000 Jahren. Mainz am Rhein, 1980.

⁴² Antonova E. Images on Seals and the Ideology of the State Formation Process // Mesopotamia. 1992. XXVII.

⁴³ Knapp A.B. Copper Production and Eastern Mediterranean Trade: the Rise of Complex Society on Cyprus / Ed. J. Giendhill, B. Bender, M.T. Larsen. State and Society. L. ets., 1988 (One World Archaeology 4).

⁴⁴ Moorey P.R.S. What do We Know about the People Buried in the Royal Cemetery? // Expedition. Fall, 1977. 20.1 (Philadelphia).

выделил в «Царском некрополе» Ура 588 «нецарских» погребений и проанализировал состав их инвентаря. Значительный был обнаружен в 20 могилах (изделия из меди и драгоценных металлов и камня - сосуды, украшения, оружие). Большое число погребений (434) содержало относительно многочисленный инвентарь - металлическое оружие, сосуды, зеркала, подставки и т.д. Золото найдено в 167 погребениях, что составляет значительный процент от общего количества. Только восьмая часть погребений не имела металлических и каменных изделий вообще. Таков уровень благосостояния жителей крупного города конца Раннединастического периода. Иное положение было в небольшом городе Убейде. Здесь было раскопано 94 погребения и только в 18 найдены металлические изделия, при этом лишь в четырех - более одного предмета и ни в одном - более трех. Вещи из драгоценных металлов найдены лишь в одном погребении⁴⁵.

Такая ситуация сложилась в результате перераспределения накопленного в Месопотамии общественного богатства в немалой степени в ходе войн «всех против всех», потрясавших Шумер Раннединастического периода, когда победоносные правители могли сосредоточивать в своих государствах награбленные у врагов и созданные руками пленников ценности. Предводители раннединастических «номов» - более, чем прежде, военные предводители. Лидеры предшествующей эпохи - хозяйственные руководители, предстатели перед божествами-покровителями и воины лишь постольку, поскольку должны быть защитниками своих подопечных: война в эту пору не стала нормой существования.

Об отличиях в одежде и атрибутах представителей верхнего слоя наиболее выразительно свидетельствует облик «царя» или «вождя»-жреца, каким он запечатлен на печатях и других изделиях периодов поздний Урук - Джемдет-Наср. Он облачен в длинную юбку с широким круглым в сечении поясом. Концы пояса, расположенные сзади, могли быть очень длинными, когда его носитель представлял как одно из главных действующих лиц обрядов (по предположению Г. Фрэнкфорта, косая стриховка юбки передавала треугольные «флажки», нашитые на ткань, которые на рельефах и в скульптуре изображались значительно менее схематично⁴⁶). Длина одежды - признак неучастия в действиях, требовавших большой свободы движений. Недаром в сценах сражений этот (или аналогичный) персонаж носит укороченную юбку. Подчеркнутая «одетость» лидера и особенности его облачения многозначительны; длинная юбка отличает его от других участников действий. Симптоматично, что в шумерской письменности для обозначения лиц высокого общественного положения использовалась идеограмма, означающая «ткань»⁴⁷. Таким образом, «одетость» - признак высокого социального статуса.

Особое внимание к дорогим тканям - отличительная особенность элиты древних обществ, не обладавшей столь широким набором выражения своего положения, каким располагала элита значительно более поздних эпох, в частности нового времени. Недаром ткани составляли значительную статью экспорта из Месопотамии: по всей вероятности, они предназначались чужеземной знати, державшей в своих руках обмен и торговлю.

Другой примечательный признак «вождя-жреца» - особая прическа или парик, имеющий вид валика вокруг головы и пучка на затылке. Позднейший преемник такого убора, по всей вероятности, знаменитый «шлем» Мескаламдуга из «Царского некрополя» Ура, позволяющий представить его во всех подробностях. Сходство этого «шлема» с головным убором лидеров, живших на много столетий раньше, дает основания предполагать, что этот знак высокого достоинства появился еще в додинастическое время. Напомним, что такую форму имеет и убор знаменитой бронзовой головы из Ниневии, известной как голова Саргона аккадского време-

Adams R.Mc. The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehistoric Mexico. L., 1966. P. 99-101.

⁴⁶ *Frankfort H.* Archaeology and Sumerian Problem. Chicago, 1992. P. 12.

⁴⁷ История древнего Востока... С. 121.

А Так же выглядит прическа царя Ламги-Мари из Алеппского музея⁴⁹. Длинные лосы и борода - один из признаков правителей в скульптуре и на рельефах нединастического периода⁵⁰. Сложные прически - принадлежность и женщин чюкого статуса (примечательно, что традиции их ношения прослеживается на Григории Месопотамии еще с VI тыс. до н.э.⁵¹).

До-видимому, в позднеурукское - джемдет-нарсское время появляются первые менные фигурки адорантов, сначала Небольшие. Образцы их, безусловно относя к этому времени, практически неизвестны⁵². В то же время, по всей оятности, именно фигуры адорантов - мужчины и женщины - изображены на *естной Урукской вазе, найденной среди приношений в храм. Их прически - 'инные, заброшенные на спину волосы⁵³. Такая же прическа у персонажа, со-вождающего лидера, на печатях.

Оружие «царя-жреца» - лук и копье, его атрибуты - булава и посох с навершием. ^Тевидно, луками и копьями пользовалась не только элита, но лишь ее оружие могло ^Ить церемониальным и в этом случае изготавливалось из меди или драгоценных [>]таллов. Доказательство существования предметов такого рода - редкая находка: ^ребряный гарпун, обнаруженный в кирпичном здании в западном углу Занны в ^руке⁵⁴.

Тенденция изготавливать церемониальные предметы вооружения и орудий нашла одолжение в ранне династическое время, о чем позволяют судить предметы из арского некрополя» Ура: здесь помимо дротиков с золотыми и серебряными конечниками, золотых и серебряных топоров и тесел найдена золотая пила⁵⁵ /существование драгоценных орудий предполагает обрядовое участие его носителей в ких-то работах). Ожидать такого расточительства - систематического помещения погребения ценных вещей в эпоху Урука - Джемдет-Насра - было бы опромет-во. Но можно думать, что в эту нору принадлежностью элиты становятся еимущественно медные предметы вооружения и утварь. Именно они столь *огочисленны в погребениях Раннединастического периода, когда уровень "щественного богатства неизмеримо возрастает. Эти престижные вещи позволяют гедставить себе, чем отличался обиход элиты от обихода основной массы населения только раннединастического времени, но - ретроспективно - и предшествующей охи.

Ценности, определяемые обществом как необходимые для поддержания существ-вания, так и престижные, упоминаются в документах о купле-продаже земли шединастического-Аккадского периодов. Цена полей определялась количеством [~]еди, серебра и ячменя. Кроме этого продавцы получали «подарки» - ценные вещи, ^еди них - серебряные предметы и кольца определенного веса, бронзовое оружие, ^овозки и колесницы, одежда, в том числе кожаная, ткани⁵⁶. Интересно, что дары [>]гли, как предполагает, в частности, Дж. Фоксвог, предназначаться не только ^шым, но и умершим членам родственной группы - собственницы земли. В этом ^ямое указание на качественную идентичность даров и погребального инвентаря, ^договоре о продаже земли сыном храмового администратора г. Кеша покупатель - [^]авитель досаргоновского Адаба - перечисляет дары, возможно, этому уже ^лершему человеку и его покойной жене. Помимо ячменя даются упряжной осел,

⁴⁸ См., например: *Potratz H. Die Kunst des alten Orient. Stuttgart, 1961. S. 171 f.*

⁴⁹ *Parrot A. Sumerian Art. Milano, 1970. Pl. 4-5.*

⁵⁰ *Frankfort H. Sculpture of the Third Millenium B.C. from Tell Asmar and Khafajah. Chicago, 1939.*

⁵¹ *Spycket A. Un element de la parure feminine a la Ire dynastie de Babilon // RA. 1988. XLII. Cp. Oates J. Choga Mati, 1967-1968. A Preliminary Report// Iraq. 1969. XXXI. 2.*

⁵² *Strommanger E. Archaic Levels of Uruk-Eanna VI to III/II: Past and Present // AJA. 1981. 84. 4.*

⁵³ *Heinrich E. Kleinfunde aus den archaischen Tempelschichten in Uruq. Lpz, 1936. S. 15 f.*

⁵⁴ *UVB XIV. 1959. S. 9. Taf. 17, 18a.*

⁵⁵ *ВуллИ. Ур халдеев. М., 1961. С 62,64.*

⁵⁶ *Дьяконов. Общественный и государственный строй... С. 57.*

колесница и различные одежды, деревянные ящики, медный топор, серебряный наконечник копья и нож⁵⁷.

В этих перечнях «цены» полей и подарков - «приплат» - обнаруживаются вещи, которые встречаются в богатых погребениях Ранне династического периода - повозки, металлические предметы, изделия из дерева и кожи; они те же, что, судя по найденным вещам и изобразительным памятникам, в позднеурукское - джемдет-наерское время были в обиходе элиты, но не попадали в погребения.

Вероятно, в первую очередь непопадание ценностей в погребения создает иллюзию более или менее эгалитарного состояния общества. На самом же деле их отсутствие означает лишь, что они оставались в реальном обращении, что их обладатели - элитарные семьи оперировали ими различным способом: для приобретения большего числа сторонников, для обмена всякого рода, в частности операций, которые с современной точки зрения были куплей-продажей, а с точки зрения их участников - условным обменом ценностями. Равенство как определяющий признак отношений в обществе оказывается иллюзией, основанной на том, что исследователь не располагает очевидными признаками существования слоя элиты - находками выделяющихся заметным богатством погребений.

Картина резко отличается от той, что существовала в традиционных вождествах, где элита стремится отметить свой высокий статус обилием ценностей и вещей в погребениях своих умерших. Месопотамские лидеры раннегосударственных образований предстают как «бедные» по сравнению, например, с погребенными в неолитическом Варненском некрополе (Болгария). Однако их бедность кажущаяся, поскольку общественно-экономическая ситуация, обеспечивающая их высокое положение, была иной, чем та, которая существовала, в частности, в догосударственных образованиях варварской Европы. Ценности, иногда очень большие, помещенные в погребения элиты вождеств, были призваны воспроизводить статус их преемников⁵⁸. Откладываясь в погребениях, они изымались из обращения, однако вожди сохраняли свой статус и возвращали богатства в новых набегах, отчасти через эксплуатацию находившихся в их распоряжении залежей полезных ископаемых, других природных богатств и лишь в малой степени за счет сельского хозяйства. Воспроизводя эту систему из поколения в поколение, вождества существовали многие сотни лет.

Иным было отношение к престижно-материальным ценностям в Месопотамии. Основа процветания и высокого социального положения здесь - земледелие и животноводство. Не вождь - предводитель грабительских походов, а рачительный хозяин, глава управляющих земледельческими работами, уходом за скотом, складами и т.д. - вот представитель шумерской элиты. Ее особое положение в обществе выражается уже в позднеурукское - джемдет-наерское время признаками, одни из которых более, другие менее явны сейчас. По всей вероятности, это близость к храмовому хозяйству и правлению «номовой» общиной, а значит отправление обрядов, с чем связано обладание особыми знаниями, способностями совершать обряды, скорее всего владение искусством письма. Эны - правители городов - сакральные лидеры, чьи колдовские способности не менее, чем военная мощь, оказываются причиной достижения ими успехов (Эн-Меркар, побеждающий правителя далекой Аратты, делает это с помощью колдовства). Правитель - хозяйственный руководитель, строитель: Гильгамеш гордится стенами своего города подобно архитектору. С высоким положением здесь связывается не владение каким-либо ремеслом (как у африканских вождей), а причастность обрядово-магическому знанию, грамотность, возможно, высокие формы словесного творчества (?), физическая сила (правитель - могучий охотник).

Таким образом, элита дораннединастического времени, как нам представляется,

⁵⁷ Foxvog DA. Funerary Furnishings in an Early Sumerian Text from Adad // Death in Mesopotamia. XXVIe Rencontre Assyriologique Intern. / Ed. B. Alster. Copenhagen, 1980 (Mesopotamia, 8).

⁵⁸ Bradley R. The Passage of Arms. Cambr., 1990. P. 94.

образовывала вполне определенный слой. Его члены отличались специфическими занятиями (принадлежность к сфере управления), особенностями быта (более просторные и лучше построенные жилища, многочисленность так или иначе зависящих от них людей, способность устраивать пиршества для большого числа участников, пользование в быту дорогими, каменными и металлическими вещами, в том числе созданными высококвалифицированными ремесленниками). Высокое положение этих людей основывалось на владении (какими бы ни были его формы) большими земельными наделами, для приумножения которых использовались материально-престижные ценности. Да, избираемые на срок правители еще не стали систематически преумножать свои богатства в военных походах - это случилось в раннединастическое время. Но без их целенаправленной деятельности наступление динамичной и богатой событиями эпохи враждующих «номов» не могло стать реальностью.

ATTRIBUTES OF HIGH SOCIAL STATUS
IN MESOPOTAMIA IN THE 5th-4th MILLENIA B.C.

Ye. V. Antonova

the article is an attempt to establish the necessary attributes of the social elite in the protostate and the early state communities of Mesopotamia in the 5th-4th millenia B.C. Already during a period preceding that of the Early Dynasties in Sumer, representatives of the upper class were differentiated by specific occupations (such as administrative power, performances of rituals in the name of huge communities) as well as specific features of everyday life (large and comfortable dwellings, a huge number of servants, use of precious objects, special clothing, etc.). Certain difficulties in establishing the elite attributes by means of archaeological discoveries are partially connected with an unusual frugality of this class, the members of which did not consider it necessary to provide the burials of their dead with rich inventories.

ной науки, оказалась записана и опубликована. Борис Анатольевич был и очень внимательным слушателем, умеющим достаточно быстро разобраться в том, насколько компетентен его собеседник в предмете разговора. Ощущение движения времени он чувствовал очень отчетливо. Это проявлялось во всем, в том числе и в его отношении к историографии, в которой он видел не просто перечень опубликованных работ, а движение научной мысли. Он умел помнить и воздавать должное людям, которые оставили свой след в науке.

После ухода из жизни Литвинского нам, вероятно, предстоит подвести определенные итоги в истории отечественной археологии Средней Азии, осознать ответственность, лежащую на нас как на продолжателях традиции отечественного востоковедения и археологии, и продолжить работать, сожалея, что у нас нет такой работоспособности и нет такой памяти и что нам уже не доведется услышать компетентное мнение Бориса Анатольевича по поводу наших исследований.

©2011г.

Е. В. Антонова

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ: СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

В статье предпринимается попытка анализа трансформации представлений об образе мира носителей анауской культуры (энеолит - эпоха ранней и средней бронзы) и «цивилизации Окса» (эпоха поздней бронзы). Источниками послужили орнаментальные мотивы, скульптура, глиптика. Сочетание синхронного и диахронного анализа позволяет выяснить семантику ряда знаков, изменение плана их выражения и плана содержания.

Ключевые слова: методы дешифровки, семиотика, архаические и традиционные культуры, синхрония и диахрония, анауская культура, цивилизация Окса, образ мира, мифологические персонажи.

Автору этой статьи посчастливилось без малого 40 лет работать с Борисом Анатольевичем Литвинским. Он был археологом в самом широком смысле: раскопки, обнаружение новых памятников древности было для него важным моментом в исследовательском цикле. Но за этим следовала интерпретация найденного. Внимательнейшим образом он относился к методам раскопок, поскольку без этого не могли быть получены полные и достоверные сведения, но не менее важными были кабинетные исследования, извлечение содержащейся в находках исторической информации. Особенно придирчиво вплоть до недоверчивости он относился к реконструкциям значения и смысла остатков культур допись-

-енной древности, поскольку степень их предположительности особенно велика. огорчала неокончателность предлагаемых реконструкций. В самом деле, не лько исследователь, о котором шла речь, но и другие могли построить по види-ости не менее убедительные цепочки аргументов и получить иные результаты. до можно было на это возразить? Он кивал головой в ответ на слова Ю.М. Лотма-«Слово "понимание" коварно. Невольно навязывается представление, что это ократный, исчерпывающий акт: понимание представляется как окончательное безусловное знание. В действительности это путь в бесконечность. Честность ючается в том, чтобы указать степень и направление приближения. Понима-е можно представить себе как сеть истолкований и переводов разной степени шближенности»¹. Оставалось надеяться, что ссылка на уважаемый им авторитет "ыла достаточно убедительной.

Его критичность, всегда доброжелательная, служила важным стимулом четко пределять процедуру поисков значений «для нас» и смыслов для создателей не-?рбальных памятников древности. Нередко это делалось и делается на основе туиции, что явно недостаточно. Его интересовали новые методы исследований, вшие особенно актуальными в гуманитарных науках в XX веке, широко - в его середине. Среди прочих Бориса Анатольевича привлекали системно-структурные следования и семиотический подход.

Работая над статьей, я находилась в мысленном диалоге с Борисом Анатольеви-ем, вспоминая прежние беседы и его вдохновляющие труды. Предпринимаемые ою многочисленные попытки дешифровки визуальных знаков раннеземледель-еских культур вызывали потребность обосновывать принципы исследования, юбенно важным это оказалось при изучении памятников энеолита и бронзово-ека, бытовавших на значительной части Центральной (Средней) Азии. Они инадлежат анауской культуре и более поздней «цивилизации Окса», Бактрий-'-маргианскому археологическому комплексу (БМАК). Поэтому в этой статье едставляется целесообразным предварить рассмотрение собственно археологи-еского материала вводным разделом, в котором намечаются исходные позиции оследующих исследований.

Вещи в широком смысле- от черепков и каменных отщепов до целых ком-юксов, например погребений и архитектурных сооружений, - поле археологов. В отличие от коллег-этнографов, изучающих культуры во всей их полноте, но ограниченных по большей части синхронной картиной, археологи постоянно име-ют дело не только с синхронным, но и с диахронным срезамн культуры. В этом их материал близок собственно языковому, почему так плодотворно обращение к ис-следованиям лингвистов и филологов. Фрагментарность археологических свиде-тельств компенсируется возможностями проследить изменения вещей во времени. Еще на заре становления научной археологии исследования эволюции форм вещей служили датировке, выяснению культурных контактов и т.д.

Но сейчас стало общепризнанным, что вещи принадлежат сфере не только мате-риальной, но и духовной культуры. Особенно актуально это признание в тех ситуа-их, когда объектами исследования являются создания древних бесписьменных или раннеписьменных культур, архаических или традиционных. Начав меняться с возникновением сложноструктурированных обществ, государств, они в своих низовых структурах, малых коллективах, вплоть до индустриальной эпохи сохра-няли древние черты. Малая дифференцированность форм общественной жизни

¹Лотман 1994, 389.

определяла их облик. Доминирующая форма мировосприятия образная, мифопоэтическая. Повседневное, профанное не обособлено от сакрального (собственно, такое разделение вообще неактуально или - для поздних этапов существования такого способа восприятия мира - условно).

В архаических обществах доминирует устный тип передачи информации. Здесь словесная форма сообщения не является единственной, определяющей его смысл, поскольку значительную роль играет ситуация общения и присущие ей несловесные знаки (например, жесты). Поэтому план выражения знаков может быть сокращенным, условным. В тех случаях, когда адресат не воспринимается как находящийся в непосредственном контакте, формы выражения содержания должны приобретать большую внешнюю выразительность: план содержания знаков становится более развернутым. Условные и символические знаки могут становиться - благоприятная для современного исследователя ситуация - иконическими, т.е. теми, которые передают реальные образы, животных, растений, каких-то действий и т.д. Такие «развернутые» знаки создаются для ситуаций общения «своего» и «чужого» миров, мира человеческого и внечеловеческого, в перспективе - естественного и сверхъестественного.

В культурах такого типа средством регулирования поведения коллектива и отдельного человека, его неотъемлемой части, по словам А.К. Байбурина, был «ритуал - единственное и универсальное средство не только восстановления гармонии, но и проверки (контроля) соответствия всего многообразия связей тому, как это было "в первый раз". Естественно, что решение столь сложной задачи невозможно без мобилизации всех средств выразительности, которыми располагает коллектив. Такой, по выражению В.Н. Топорова, "парад знаковых систем" в ритуале необходим для придания ему максимальной эффективности в деле установления утраченного равновесия и контроля над миром». А.К. Байбуриным далее заключается, что «язык вещей», по-видимому, использовался в основном для выражения тех понятий и ценностей, которые не могли быть выражены столь же адекватно на других языках, в том числе словесном². Посредством вещей, явственным образом закрепляющих информацию в отличие от мимолетных слов и движений, устанавливался долговременный контакт с силами «чужого» мира и контроль над ними. Поэтому наиболее информативными для современного исследователя являются вещи, обнаруживаемые в ритуальных контекстах.

Культура архаического типа бытует по тем же законам, что естественный язык. Ее создателем и носителем является социум. Индивидуальное начало не выделено. Отдельная ситуация осмысливается через всеобщее. Вопрос о том, что думал создатель или потребитель информации, заключенной в археологических вещах столь глубокой древности, неправилен. Лишь в редких случаях можно предполагать, на какое *особое* явление указывает тот или иной знак, даже такой «говорящий», как погребения, когда может быть известен пол и возраст умершего, форма погребального сооружения, сопровождающий инвентарь. Еще сложнее определить семантику орнаментального мотива или антропоморфной фигурки; в этом случае информацию может предоставить весь комплекс, рассматриваемый синхронно и в хронологической перспективе, диахронно.

Таким образом оказывается, что самым доступным для интерпретации современного исследователя является уровень циркулирующих в культуре смыслов универсального плана, в конечном счете - образ мира. Из этого следует, что и

² Байбуриным 1989, 83.

Б особенностями отдельных знаков с трудом поддаются интерпретации, в то время
В как теоретически реконструируемый их инвариант позволяет это сделать с от-
В носительной достоверностью. Поэтому для исследования «языка вещей» этих
В культур представляется продуктивным обращение к таким понятиям лингвисти-
В ки и психологии, как глубинный смысл, архетипы, бессознательное. Их носите-
В ли - неререфлексирующие люди³. Констатация этого не означает, что они не были
В «думающими»: для бытия в недрах такой культуры было актуальным следование
и освященным традицией образцам, и это служило гарантией благополучного суще-
В ствования. Элементы нового возникали спонтанно и не осознавались как таковые,
В а приспособлялись к привычным.

В В отличие от быстроразвивающихся обществ современного типа, архаические
В общества иногда именуют «холодными». Доминирование коллективного начала,
В относительная простота образа мира и ориентация во всех действиях на мифиче-
В ски окрашенные прообразы приводило к созданию формально и содержательно
В устойчивых и однотипных конфигураций во всех сферах культуры. Варьирование
В форм выражения синхронно существующих устойчивых смыслов, лишь коррек-
В тировавшихся в конкретных ситуациях жизни социумов и их членов, при этом
В медленно меняющихся в диахронии, - все это открывает особые возможности для
В реконструкции содержательной стороны визуальных знаков.

В В попытках реконструкции культур древности не в археологическом, а обще-
В человеческом смысле, особенно сфер «духовной культуры», обычно прибегают к
В аналогиям. Обращение к данным иных культур действительно может быть плодот-
В творным. Однако они должны привлекаться при соблюдении целого ряда условий
В и не быть случайными, основанными на внешнем сходстве явлений, культурных
В ; знаков и т.д. Короче, они должны происходить из территориально, исторически и
7 культурно близкой среды и при этом относиться к явлениям общего, а не единично-
го, специфического для культур определенного круга явлений. В этой статье речь
пойдет о культурах оседлых земледельцев эпохи энеолита - бронзы юга Туркме-
нистана и сопредельных районов. К счастью, они принадлежат к числу более или
менее полно изученных земледельческих культур дописьменной эпохи и сформировавшихся цивилизаций. При определенном сходстве эти культуры отличались большим своеобразием, бывшим следствием многих причин - от географических до исторических. Это значит, например, что реконструировать «пантеон анаусцев» на основании образов шумерских божеств вряд ли продуктивно. Это отнюдь не означает, что известное о религиях древних государств Месопотамии или Ирана не следует иметь в виду. Дело в том, что таким сопоставлениям должен предшествовать всесторонний анализ собственно анауских материалов, всего контекста этой культуры. В первую очередь - это анализ социальной структуры, степени сложности существовавшего общества, особенностей его информационного поля и т.д.

Наиболее перспективным представляется внутренний анализ данных конкретной археологической культуры. Реконструкции синхронных состояний должны дополняться данными об их трансформации в диахронии. Холодность архаических культур допускает рассматривать как синхронные те культурные знаки, что бытовали на протяжении длительных, до нескольких сотен лет, периодов, т.е. оперировать уже существующими и принятыми в археологической науке хронологическими членениями.

³ Антонова 1984, 10—11.

Бытующие синхронно знаки устойчивы, но и в культурах такого типа в них содержатся как элементы прежнего, так и будущего состояний⁴. Диахронический анализ способствует пониманию глубинного смысла и таким образом проясняет то, что составляло сущность синхронного состояния (всего один из множества, где реализуется подобный анализ - статья Т.Я. Елизаренковой и В.Н. Топорова⁵). Однако в распоряжении археологов по разным причинам довольно редко оказываются данные, относящиеся к длительной, преемственно развивающейся культурной традиции. При этом возникает еще одна проблема. Исследуемые культуры или культура не оставались совершенно замкнутыми и самодостаточными. Различные обстоятельства заставляли их носителей вступать в разнообразные контакты, испытывать инокультурные влияния. Последние исходили как от культурно-исторически близких, так и более «продвинутых» обществ. Тем не менее на тех уровнях бытования культуры, которые интересуют нас в данной работе, они приводили не к разрушению, а к обогащению традиционных смыслов. Традиционные культуры устроены так, что их носители воспринимали лишь то, что отвечало присущим им потребностям, и явления чужих культур приспособлялись как формально, так и содержательно, к собственным.

Памятники анауской культуры обнаружены на довольно обширной территории юга Туркменистана, и территориальный и хронологический разброс полученных в них данных в пределах выделенных археологами периодов оказывается (а можно представить, каким он был в реальности) значительным. Поэтому еще раз подчеркнем: находящиеся в распоряжении исследователей материалы безусловно фрагментарны. Недавние раскопки энеолитического Илгынлы-депе, расположенного неподалеку от уже ставшего эталонным Алтын-депе, показали, насколько увеличивается объем материалов при более тщательных, чем прежде, раскопках. Будущие полевые исследования, безусловно, скорректируют и обогатят сложившиеся схемы.

Периодизация основана на стратиграфической колонке, полученной при раскопках Намазга-депе. К энеолиту относятся периоды: Намазга (далее - НМЗ) I, ранний энеолит, середина V - первая половина IV тыс. до н.э.; к среднему энеолиту - НМЗ II, вторая половина IV тыс. до н.э.; к позднему НМЗ III, конец IV - начало III тыс. до н.э. Далее следует эпоха бронзы: ранняя бронза (НМЗ IV) - это середина III тыс. до н.э.; средняя (НМЗ V) - конец III - начало II тыс. до н.э.; поздняя (НМЗ VI), II тыс. до н.э. Бактрийско-маргианский комплекс датируют концом III - первой половиной II тыс. до н.э.

Необходимо подчеркнуть, что вещественные материалы, происходящие с разных поселений даже в пределах одного периода и на довольно ограниченной территории, обладают бесконечным разнообразием. Говоря о характерных орнаментальных мотивах, типах антропоморфных фигурок, печатях-амулетах, мы неизбежно упрощаем реально существовавшую картину. Собственно, мы имеем дело с созданиями живших достаточно обособленно (хотя поддерживавших систематические отношения) обитателей деревень. Но разнообразие их созданий, что характерно для обществ интересующего нас типа, не отрицает их сущностной общности. Визуальные знаки, порождаемые ручным, а не машинным трудом, функционируют по тем же законам, что выявлены в словесных фольклорных текстах, где любой стереотип варьирует⁶.

⁴ Антонова 2010, 16.

⁵ Елизаренкова, Топоров 2002, 72-91.

⁶ Антонова, Раевский 1991, 217-218.

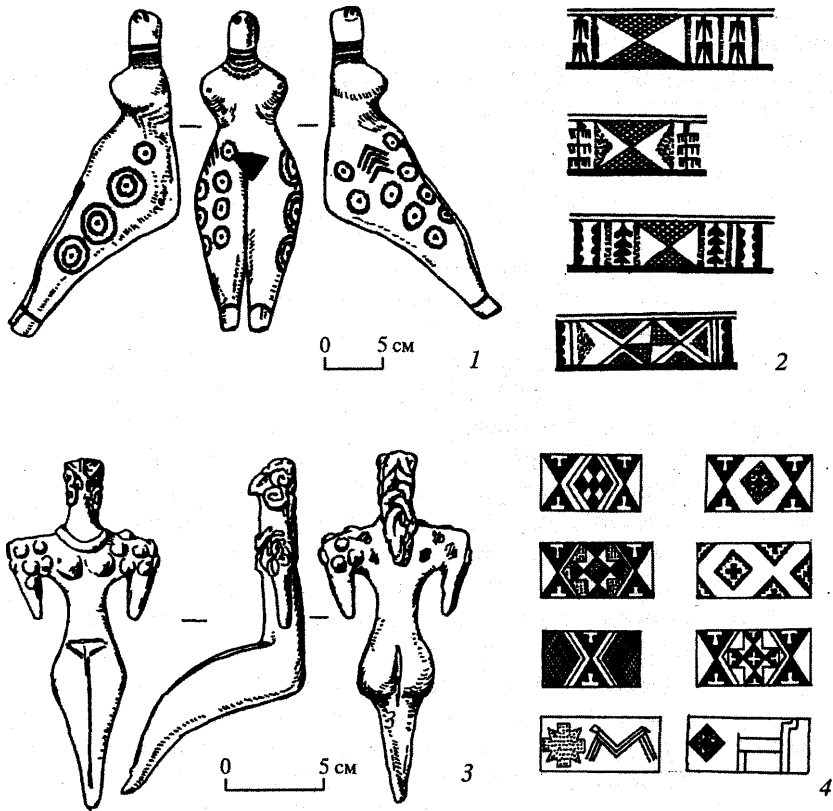

Рис. 1. Анауская культура. Скульптура и орнаменты на сосудах энеолита.
1-2 - НМЗII; 3-4 - НМЗIII

овные изображения - одни из наиболее информативных в силу своей распространенности культурных знаков. Орнаменты на сосудах периода Намазга I исключительно геометрические, группирующиеся во фризы. Характерный - силуэтный треугольник, но встречаются и стилизованные растительные узоры. Не исключено, что растения передавались и зигзагообразными линиями⁷, встречаются изображения козлов,

опоморфная пластика этого времени известна явно недостаточно. Она представлена женскими фигурками в стоячей позе с рядами углубленных точек и линий и рисованными зигзагами в нижней части (одежда? татуировка?) и теми же ожерельями, ее разработана орнаментика сосудов периода Намазга II. Во фризах изображений деревьев чередуются с соприкасающимися вершинами вертикально расположенными треугольниками. Таким образом, деревья занимают центральную часть в шестиугольном пространстве, образованном двумя парами треугольников, в некоторых случаях число ветвей у деревьев сокращается до двух пар, причем наличие верхушки придает им сходство с фигурой человека (рис. 1, 2). Из ромбические фигуры с четырьмя «соляными» кружками по углам, к которым встречаются фигуры козлов.

На статуетках этого времени, дошедших, что представляется неслучайным, почти исключительно во фрагментах, известны некоторые изображения, встречающиеся на сосудах: козлы, «солярные» знаки в виде двойных или одинарных кружков с точками, сочетания углообразных фигур, возможно, передающие растения. Большинство фигурок, судя по их сохранности, предназначались для ритуалов, по окончании которых их специально разрушали или просто выбрасывали. Но существовали и скульптуры «долговременного пользования», вероятно помещавшиеся в специальных ритуальных местах. Такова крупная фигурка сидящей женщины, переданной условно (у нее нет рук, что не мешает выразительности фигурки), с рисованными ожерельями, рядами «солярных» мотивов на бедрах и поясице и условным растением (рис. 1, /).

Пик развития орнаментики анауской культуры приходится на поздний энеолит. Наиболее яркими были полихромные узоры керамики из поселений Геоксюрского оазиса. Раппорт складывался из центральной и обрамляющих фигур. Обрамляющие представляют собой две пары соприкасающихся вершинами или сближенных треугольников. Центральная фигура включает различно оформленные, в том числе со ступенчатыми сторонами, крестообразные и ромбические, при этом примечательна совмещаемость ромба и креста. В ромбе акцентируются четыре угла и центр, почему он приобретает крестообразную форму. Обрамляющие центральную фигуру пары треугольников с вписанными полукрестами в большинстве случаев не представляют собой элементов центральной крестообразной или ромбической фигуры. Таким образом, центральная фигура имеет тенденцию «обособливаться» от обрамляющих ее. Это важное обстоятельство, поскольку в данном случае мы имеем характерную для передачи образа мира трехчастную композицию с центральным - доминирующим - и подчиненными ему элементами, расположенными по сторонам (рис. 1, 4). Эта схема характерна для образа мира эпохи «мирового дерева», начавшейся с установлением оседлости и производящего хозяйства.

Раппорт мог повторяться на сосудах четыре раза, а деление сосуда на четыре части подчеркивалось нанесением на его дно крестообразного рисунка.

Кроме формально чисто геометрических фризов на сосудах встречаются чередующиеся со ступенчатыми крестами фигуры козлов и схематизированного животного, по-видимому, хищника. Фигура козла в соответствии с преобладающим орнаментальным стилем могла геометризоваться, а его живот приобретал форму полукреста - элемента обрамляющих треугольников. Такие композиции и тенденция трансформации орнаментов в эпоху ранней бронзы позволяют предполагать, что центральные крестообразные фигуры символически передавали мифическое дерево со всеми смысловыми коннотациями этого емкого образа. В связи с этим упомянем слова замечательного исследователя традиционной культуры СВ. Иванова: «...в определенных исторических условиях орнамент не только мог, но и в действительности выполнял изобразительную роль, даже в тех случаях, когда состоял из одних лишь геометрических узоров»⁸.

Орнаментальные мотивы керамических сосудов эпохи позднего энеолита имеют немало аналогий в поселениях Ирана IV тыс. до н.э. В Тали Бакуне А известны крестообразные и ромбические фигуры в обрамлении полукрестов, в том числе ступенчатых, вертикальных зигзагов, растений. Подобные мотивы обнаружены на сосудах Сиалка III, где есть многофигурные композиции, включающие наряду с ними изображения козлов и змей⁹.

⁸ Иванов 1963, 6.

⁹ Антонова 1981, 11.

В пору позднего энеолита возрастает как количество, так и разнообразие антропоморфных статуэток. И сейчас они представлены в основном фрагментами. Преобладают фигурки женских существ в сидячей позе с широкими плечами и опущенными руками, но зафиксированы и мужские. Они не тяжеловесны, как предшествующие, их пропорции отличаются изяществом (рис. 1,3). Детали фигуры и дополнительные элементы (глаза и брови, рот, признак пола, ожерелья, а также полосы на плечах и ногах, фигуры козлов и схематичные - хищников) теперь нарисованы не только темной краской. Прически из завитков и косы, бороды у мужских фигурок и признак пола у женских, ожерелья и круглые «лепешечки» на плечах налепляли из глины. «Лепешечки» в верхней части фигуры, судя по экземпляру с множеством натуралистично вылепленных грудей, изображали их; известна одна статуэтка с налепной фигуркой ребенка¹⁰.

Помимо «натуралистичных» обнаружено много условных фигурок - сидячих, вылепленных по схеме «голова - бедра - ноги» и стоячих «фишкообразных». Они, особенно фишкообразные, сделанные часто из необожженной глины, предназначались для не всегда ясных целей, вероятно, кратковременных обрядов.

В комплексе статуэток позднего энеолита особняком стоят мужские фигурки, детали которых выполнены рельефом - лица с огромными глазами, бородами, в шлемообразных головных уборах. Отмечалось, что эти необычные фигурки имеют сходство с изображениями воинов (но не мелкими статуарными) в Месопотамии (раннединастическое время) и Юго-Западном Иране. Кроме того, целый ряд признаков статуэток позднего энеолита - пропорции, поза, форма рук и т.д. обнаруживают сходство с более ранними фигурками убейдской культуры¹¹. Объяснение этих сходств вызывает трудности из-за несовпадения времени их бытования на юге Туркменистана, в Месопотамии и Иране. Вероятно, это связано с недостаточной исследованностью памятников регионов, разделяющих эти области. Тем не менее сам факт существования этих сходств, как и аналогии орнаментальных мотивов, очень знаменательны.

Материалы анауской культуры позднего энеолита свидетельствуют об отдаленных связях, отсутствии совершенной замкнутости общин, обитавших на «периферии» формировавшегося «центра», стремительно двигавшегося к становлению древнейших государств. Обнаруживается сходство «геоксюрских» орнаментальных мотивов, форм мелкой пластики и т.д. с найденными на территории Южного Таджикистана, Систана и в более отдаленных местах, чему посвящено немало исследований. Рассматривая проблему генезиса круга культур этого региона периода бронзы, в том числе БМАК, исследователи предполагают, что его корни восходят к комплексам эпохи Намазга III. К этому времени относится так называемая «урукская экспансия», исходящая из Месопотамии, начинает формироваться цивилизация долины Инда¹². Видимо, правы исследователи, полагающие, что в обширном регионе складывается общность постоянно контактирующих групп. При этом доноры и восприимчики культурных явлений менялись местами и процесс был обоюдным. Можно полагать, что уже в это время условные «анаусцы» имели возможность воспринимать (и, вероятно, передавать другим) элементы культуры, в том числе визуальные знаки, служившие для воплощения образа мира.

¹⁰ Антонова 1977, табл. LXXI.

¹¹ Антонова 1977, 72-75.

¹² Антонова 1996.

Помимо упоминавшейся фрагментарности статуэток их исследование затруднялось до недавнего времени неясностью их нахождения в культурном слое. Обычно отмечалось, что они происходят вообще из слоя, и лишь единицы были найдены в массиве очагов, в погребениях или около них¹³. Недавние раскопки крупного энеолитического поселения Илгынлы-депе неподалеку от знаменитого Алтыш-депе показали, что такая неопределенность контекста по крайней мере отчасти - результат несовершенства методов раскопок.

На Илгынлы не только хорошо сохранились, но были тщательно исследованы постройки со всем их содержимым¹⁴. Удалось выяснить, что почти в каждом домохозяйстве находились помещения, в которых отправляли обряды. В них были окрашенные стены и полы, настенные изображения обрядового характера (крайне условные фигуры змей, козлов, голова быка), глиняные скамьи и «стулья», крупные сосуды для хранения. В таких помещениях у входа находились глиняные короба - «тумбы» с различным наполнением, среди которого были фрагменты статуэток. Перед ритуальным разрушением таких помещений совершались действия, следы которых сохранились. Так, на полу одного из них обнаружен культовый диск с сосудом на нем, перед ним - две схематические фишкообразные фигурки и расписная миска. В ходе разрушения «парадных» помещений снимали и помещали внизу штукатурку, разбивали каменные антропоморфные изображения, оставляли на полу различные вещи, в том числе безусловно ценные медные. Затем их сжигали.

Культурные контексты, обнаруженные в Илгынлы, показывают, что характерная черта анауских статуэток энеолитического времени - их фрагментарность - не была случайной. Количество целых возрастает в более позднюю эпоху бронзы, когда их помещали в погребения. Вероятно, разбивание статуэток, как и уничтожение «парадных помещений» было ритуальным. Здесь мы сталкиваемся с очень важным для архаических культур свидетельством представлений о разрушении, смерти, как необходимом условии продолжения существования. Без ухода одряхлевшей жизни нет нового рождения.

Комплекс фигурок Илгынлы-депе в целом характерен для позднего энеолита. Фигурки условны; установлено, что лишь десятая часть обнаруженных были сидящими. Рисованные мотивы немногочисленны. Среди них - условные, которые Н.Ф. Соловьева предлагает считать передающими не дерево, а скорее злаки. Ясно, что статуэтки и стоящие за ними образы были полноправными участниками обрядовых действий, свидетельства которых необычайно полно сохранились. Облик самих статуэток дает лишь скудные указания на это, поэтому нельзя не одобрить осторожность, с которой Н.Ф. Соловьева приходит к заключению: «Вероятно, существовали разные женские мифические персонажи, главным из которых могла быть прародительница/первопредок, роль которой исполняли каменные статуи. Глиняные статуэтки, возможно, были участницами календарных обрядов. Статуэтки с рисунками животных на бедрах могли быть связаны с образами дикой природы. Указания на проведение ритуалов, маркирующих этапы жизни каждого человека и релутгоующих его отношения с общиной, можно найти в статуэтках, изображающих персонажей разного возраста, бесполок статуэтках и схематичных стоячих фигурках. Глиняные фигурки могли быть и изображениями умерших родственников»¹⁵. Такая интерпретация основана на представлении о доминирующей

¹³ Антонова 1990, 150, 152-153.

¹⁴ Соловьева 2005.

¹⁵ Соловьева 2005, 30-31.

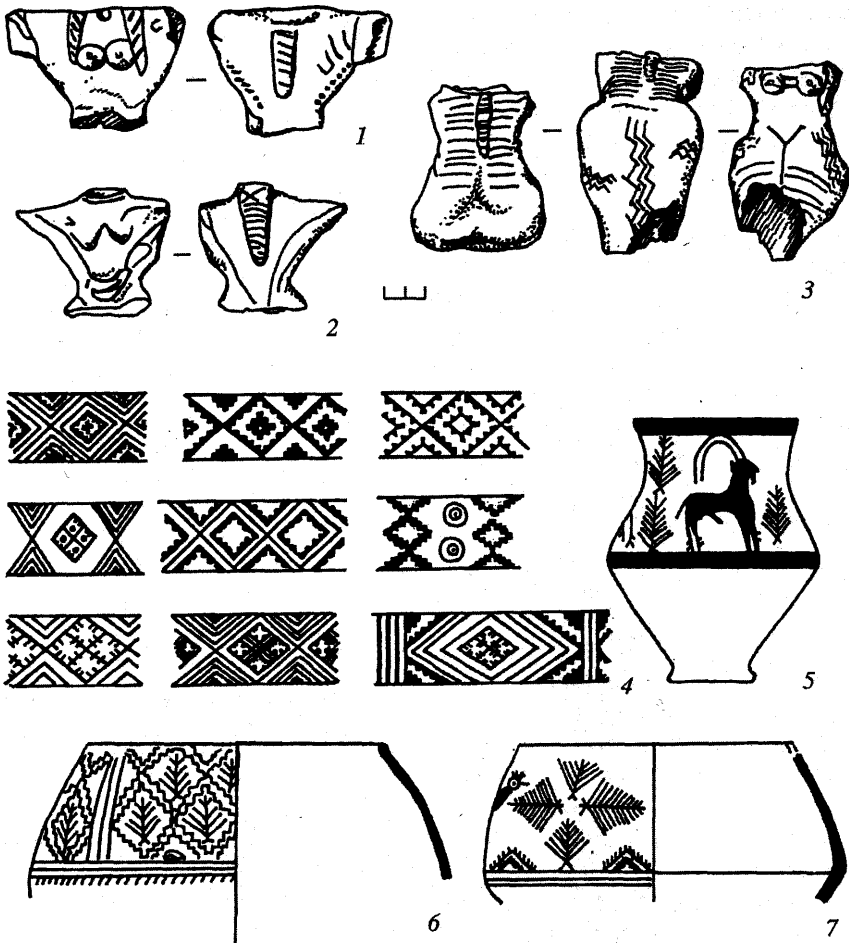

Рис. 2. Анауская культура. 1-3 - скульптура; 4-7- орнаменты на сосудах эпохи ранней бронзы (НМЗГУ)

роли в коллективах семейных и родовых связей и еще раз отрицает существование вечного независимо от времени и пространства образа «богини-матери», все еще бытующего не только в сочинениях непрофессионалов, но и историков. Еще относительно недавно В.М. Массой писал: «...терракотовые женские статуэтки среднеазиатского энеолита являются культовыми объектами, своего рода идолами, воспроизводящими образ женского божества, покровительницы плодородия, богини-матери. Не исключено, что началась дифференциация этого полиморфического образа...»¹⁶. Сейчас к интерпретации значения и назначения фигурок подходят иначе.

Эпоха ранней бронзы (Намазга IV), предстает как переходное время, когда бытуют старые традиции и одновременно усиливаются прежде слабо выраженные тенденции. Примечательны фигурки беременной женщины (рис. 2, 2) и мужчин в явно возбужденном состоянии¹⁷. Признаком этого времени - завершение долгого периода изготовления лепной расписной посуды, распространение гончарного круга.

Массой 1982, 61.

Массой, Сарияниди 1973,20.

С распространением круговой керамики орнамент сначала становится более дробным, «ковровым», и постепенно исчезает (рис. 2, 4-7). В то же время растет разнообразие форм сосудов. Среди орнаментальных мотивов — ромбические, крестообразные встречаются относительно редко, но зафиксированы изображения деревьев, заключенных в уступчато-ромбическую сетку. В раппорте на периферии изображаются треугольники-половинные варианты ромбов. Известно изображение четырех вписанных в ромб деревьев, около которых сохранилась часть фигуры птицы. Есть и изображения козлов у дерева.

Таким образом, в орнаментике ранней бронзы вновь появляются изображения деревьев, характерные для периодов Намазга I и II, место которых в позднем энеолите заняли кресты и ромбы. На одном фрагменте сосуда времени Намазга IV деревья расположены крестообразно, при этом одно из них обрамлено треугольниками (рис. 2, 7). Возвращение к «натуроподобным» изображениям деревьев позволяет предположить, что и в пору Намазга III оно также передавалось, но в условном виде. Поскольку его место — в центре композиций, правомерно думать, что фигуры, сочетающие мотивы креста и ромба, представляли образ дерева.

Использование фигуры, внешне имеющей мало общего с реальным растением, еще раз свидетельствует о символичности знаков в искусстве ранних земледельцев, передаче в них не столько внешнего сходства, сколько некоего концепта в образе мира. Статуэтки периода средней бронзы (НМЗ V) разительным образом отличаются от энеолитических и раннебронзовых (рис. 1, 1-3). Здесь уместно обратить внимание на глубокое стилистическое, формальное и знаковое сходство, или символическое единство керамических сосудов и антропоморфных изображений. Энеолитические сосуды в основном низкие, приземистые; синхронные им фигурки массивны, тяжелы, их поза в основном сидячая. В образе мира, с которым они символически соотносятся, акцентируются сферы низа, земли. И сидячая поза предполагает то же — пребывание на одном месте, в поселении, доме.

Эти заключения могли бы расцениваться как произвольные, если бы не сведения о глиняных фигурках и гончарных сосудах эпохи средней бронзы. Статуэтки женских (редко — мужских) персонажей совершенно плоские. Особенно примечательно, что они подчеркнуто вытянуты вверх. Голова на высокой шее увенчана прической. Нос резко выделен. Руки разведены в стороны, бедра подчеркнуты, а нижняя часть, слабо отогнутая, почти полностью занята треугольником, заполненным углубленными точками или короткими штрихами (рис. 3, 1-4). Тело крестообразное, переходы между частями резкие, угловатые. Рудименты ног явно указывают

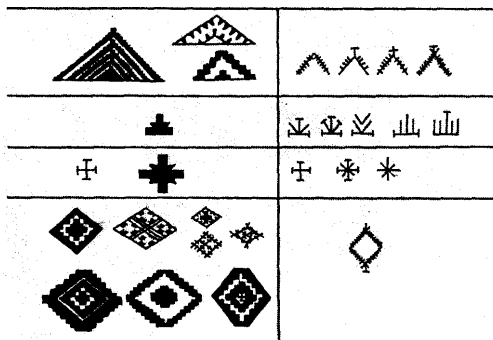
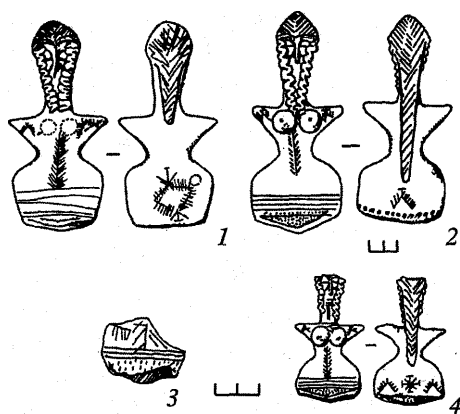

Рис. 3. Анауская культура. 1-4 — скульптура периода НМЗ V; 5 — орнаменты на сосудах НМЗ IV (слева) и знаки на статуэтках НМЗ V (справа)

на происхождение от фигурок в сидячей позе. На смену окрашенным деталям пришли прочерченные по сырой глине и рельефные налепные. Двумя полукружками показаны крупные миндалевидные глаза. Отдельно налепляли груди, фаллос у мужских фигурок, детали прически (коса на спине, две спускающиеся на грудь пряди).

На плоскую поверхность фигурок спереди и сзади по сырой глине наносили изображения и пояса, а также «деревья» и условные «знаки». Дерево изображалось в основном спереди как бы вырастающим из прочерченных горизонтальных линий (пояса) или признака пола. Иногда оно занимало всю поверхность фигурки, а на плечах изображались «ветви». Коса на спине также трактовалась как растение; штрихи, показывающие прическу или головной убор, имели цель подчеркнуть тождество антропоморфного образа и растения.

Нельзя исключать возможности сложения антропоморфного образа с растительными элементами под влиянием изобразительной традиции Месопотамии. Здесь в конце раннединастического периода и в аккадское время на печатях появляются изображения божеств. Среди них - персонажи с растущими из тела колосьями или иными растениями. Прежде на печатях и других ритуальных вещах фигурировали люди, участники действий, божества же представлены символами. Облик знаков, их сочетания на анауских статуэтках позволяют думать, что они принадлежат более архаичной стадии. Они передают не отдельные элементы образа мира, а вместе с антропоморфным существом представляют его как целое (см. ниже).

Дерево занимает центральное положение, однако на его месте могли изображаться восьмиконечная звезда и крест с перечеркнутыми концами. Сзади в центре изображался ромб или его половинный вариант - углообразная фигура, одна или четыре восьмиконечные звезды. Кроме этих центральных «знаков» на плечи наносили их несколько измененные половинные изображения. Боковые знаки зеркально симметричны. Таким образом создается трехчастная композиция с выделенным центром.

Генезис «знаков» убедительно реконструирован: они восходят к орнаментальным мотивам сосудов энеолита и ранней бронзы¹⁸. Движение во времени от орнаментальных мотивов на сосудах к «знакам» на статуэтках и обратно, т.е. диахронический анализ, позволяет прийти к существенным выводам. Носители анауской культуры представляли себе мир в виде четырехконечной фигуры, сопряженной с образом дерева. В энеолите в виде крестообразной фигуры акцентировалась его горизонтальная плоскость, что не исключало и вертикальной; эта фигура ассоциировалась с растением. Указание на это - изображение около креста и его модификаций постоянного спутника дерева - козла. Сохранилось фрагментарное, но от этого не менее замечательное изображение условно переданного козла у дерева на статуэтке (рис. 3,3). Таким образом, путем различных изобразительных мотивов реализовался мифологизированный образ мира.

Трактовка человеческого тела в статуарных образах обнаруживает сходство с сосудами этого времени. Они лишены орнамента, но их формы чрезвычайно разнообразны. В целом их комплекс характеризуется вытянутыми по горизонтали ребристыми формами, делением на горловину и тулово. Их силуэты похожи на силуэты статуэток. Исследование пропорций статуэток и сосудов (особенно явно их некоторых типов) показало, что они строились по единой схеме¹⁹.

То же стилистическое сходство, как уже говорилось, обнаруживается между энеолитическими статуэтками и сосудами. Те и другие имеют в основном призе-

мистые очертания, т.е. тяготеют к горизонтали; есть сходство между орнаментальными мотивами и изображениями на фигурках.

Итак, в ходе синхронного и диахронного анализа археологических памятников удается проследить близость формы и содержательной стороны вещей-знаков нескольких групп. Это сосуды, антропоморфные изображения и орнаменты, которые имели не только и не столько декоративное, сколько знаковое наполнение. Все они своими средствами передают образ мира. Связь между обозначением и обозначающим относительно коротка и прозрачна. Образ мира передается в одном контексте различными средствами - формой сосуда и орнаментами, формой статуэток и наносившимися на них изображениями, т.е. информация о нем избыточна. Это неслучайно: многократность тиражирования сообщения служила гарантией правильности ее восприятия. В то же время каждая группа этих вещественных знаков обладала присущим ей кругом значений. Их использование в ритуалах и образные ассоциации присущими им средствами высвечивали разные стороны образа мира. Ситуации их применения, определяемые ритуалами, были различными. В то же время они принадлежали к одному семантическому полю, в котором определяющую роль играли концепты равновесия, плодородия.

Указывают ли «знаки» на статуэтках на функцию персонажей, которых они изображали? В.М. Массон и В.И. Сарияниди предполагали, что при помощи «знака зигзага» передавали образ богини или духа воды, растения - зерна и растительности, звезды - богини неба. Они писали о «женском пантеоне» эпохи поздней бронзы, приводя в качестве аналогий божеств от шумерских до греческих²⁰. Представляется, что приблизиться к решению этого вопроса невозможно без учета социальной структуры сообществ того времени, того социального контекста, в котором реализовались значения этих образов.

Намазга V - время существования наряду с небольшими крупными по тем временам селений типа Алтын-депе и Намазга-депе. Однако это не города, и признаков совершения в них «городской революции» нет. Институт религии явно не сформировался. Ю.Е. Березкин полагает, что в обществе отсутствуют жрецы-специалисты, в ритуалах важную роль продолжают играть женщины. Подчеркнем, что статуэтки систематически встречаются в погребениях, как женских, так и мужских (с этим связано относительно большое количество целых экземпляров). «Премущественность в области ритуала от энеолита к эпохе бронзы заставляет думать, что и к концу III тыс. до н.э. религия обитателей подгорной полосы Копет-Дага оставалась на уровне религии первопредков»²¹. Он справедливо заключает, что из анализа иконографии фигурок «в принципе невозможно извлечь информацию касательно того, изображали ли здесь древние земледельцы Туркмении одного, двух или несколько мифологических персонажей из своего пантеона». Принципиально важно замечание: «Изобразительный код, посредством которого происходит объективация мифологических представлений, соотносится непосредственно только с самими этими представлениями и лишь через них - со словесным кодом, к которому имеет отношение такой признак божества, как его имя. Что же касается представлений, то в них божества не рассматриваются как дискретные единицы - они различаются или оказываются тождественными лишь в той мере, в какой различаются или совпадают их функции»²².

²⁰Массон, Сарияниди 1973, 97, 121 ел.

²¹Березкин 1994,34.

²²Березкин1981,21.

Такой подход к интерпретации статуэток эпохи Намазга V не отрицает призна- ния их существенного отличия от предшествующих. Они гораздо более стандарт- ны, чем энеолитические и раннебронзовые. Если создателями последних были, по-видимому, лепщики (скорее - легацицы) сосудов, то теперь их делали скорее всего профессиональные гончары. (К сожалению, их пол остается неизвестным, но вряд ли это были женщины.) Это знаки, план выражения которых предстает как более развернутый, чем прежде. Если признать, что для их создания использовали «знаковый ресурс» предшествующих эпох, придется констатировать, что теперь он применяется более осознанно. Статуэтки с нанесенными на них знаками представ- ляют в конечном счете космограмму. Характер оформления признаков пола как женских, так и мужских, их преувеличенность позволяют предположить, что они принадлежат полю значений повсеместно распространенного в земледельческой среде обряда «священного брака», одного из самых важных в обрядовом цикле создателей цивилизации в Месопотамии.

В конце III тыс. до н.э. на карте поселений юга Туркменистана происходят важные перемены. Сокращается площадь крупных «протогородских» селений, приходят в запустение мелкие. Такими изменениями охвачены большие терри- тории Среднего Востока, что, вероятно, является следствием наступления ксе- ротермического периода. Из-за иссушения климата люди вынуждены осваивать долины крупных рек или переходить к новым формам хозяйства. Так возникает «цивилизация Окса», или «Бактрийско-Маргианский археологический комплекс» конца III - первой половины II тыс. до н.э., отчасти синхронный эпохе позднего Намазга V и VI подгорной полосы.

Феномен БМАК продолжает привлекать внимание исследователей благодаря новым находкам в исторической Маргиане, в первую очередь проводящимся по сей день раскопкам на Гонур-депе. Хотя в датировке и истоках этой обширной исторической общности остается много неясного, множество фактов говорит в пользу значимости местного, южнотуркменистанского компонента. Значимыми являются материалы керамического производства: «...керамическое производство Маргианы и Бактрии явилось результатом развития комплекса времени Намазга V, и участие населения этого региона в формировании культуры Бактрийско-маргиан- ского комплекса не вызывает никаких сомнений, хотя и не снимает всей сложности проблемы происхождения цивилизации в целом и ее широкого территориального распространения...»²³.

Вещественные остатки свидетельствуют о существовании хорошо организо- ванного ирригационного земледелия, скотоводства (симптоматично разведение столь важных для отдаленных перемещений верблюдов), ремесла и торговли. Сложность социальной структуры не вызывает сомнений. Война стала постоянным явлением. В погребениях представителей верхнего слоя помимо богатого сопровождающего - инвентаря, в том числе из драгоценных металлов, обнаружены останки специально умерщвленных людей. Такие жертвоприношения совершались и при публичных - обрядах, по особым, очевидно важным, случаям. В захоронениях элиты находят оружие, в том числе по форме импортное, церемониальное.

На крупных поселениях обнаружены обнесенные стенами комплексы ритуаль- ных сооружений - «храмов» и предполагаемые «дворцы» лиц, регулировавших жизнь многочисленных сообществ. Обособляющаяся элита нуждается в знаках от- личия, соответствующих ее месту и роли в общественной жизни. Ее представители регулировали сферу производства продуктов питания, ремесленного производства,

торговли, были гарантами безопасности. Все это освящалось различными ритуалами и соответствующими им религиозно-мифологическими представлениями.

На протяжении времени существования БМАК в жизни обитателей Западной и Центральной Азии происходили значительные события. Войны между старыми государствами и возникновение новых с их потребностями в связях с соседями, возникновение торговых колоний, перемещения этнических групп и приобщение прежде бесписьменных племен к стандартам цивилизации, - это было динамичное время. Не удивительно, что вещественные остатки «цивилизации Окса» обнаруживают признаки знакомства и усвоения явлений разных культур, носители которых обитали на территории от Восточного Средиземноморья до долины Инда, от северных степей до южных областей Ирана. Как всегда, в контактах большую роль играла элита. Тем не менее, о чем свидетельствует керамическое производство, пласт старых традиций сохранялся, хотя претерпевал глубокие изменения. О том же свидетельствует чрезвычайно разившийся в недрах БМАК комплекс печатей-амулетов.

Древнейшие образцы печатей-амулетов относятся ко времени Намазга III; они аналогичны орнаментам на сосудах - крестообразным фигурам и их вариантам. Медно-бронзовые печати из погребений эпохи средней бронзы с этого поселения почти на четверть имеют крестообразную форму (известны также зооморфные)²⁴.

Многочисленны печати-амулеты БМАК - металлические и отчасти каменные. Изданный в 1998 г. В.И. Сарияниди каталог содержит около 1800 образцов, большая часть которых (около 1500) происходит из грабительских раскопок на севере Афганистана, остальные, имеющие определенное происхождение, найдены в Маргиане²⁵. Со времени публикации каталога число маргианских возросло, однако общий облик комплекса продолжает оставаться прежним.

Печати-амулеты БМАК по разнообразию их форм и изобразительных мотивов наряду с гораздо более редкими изображениями на сосудах и других вещах предоставляют возможность реконструировать образ мира носителей этой культуры. По степени содержащейся в них информации они могут быть сравнены с той, что дают цилиндрические печати Месопотамии для понимания культуры ее обитателей. Здесь - изображения реальных и фантастических животных, змей и драконов, львов и грифонов, верблюдов и козлов, хищных и иных птиц, антропоморфных мифических существ, крылатых и властвующих над подчиненными им животными, различных растений. Одиночные и составляющие композиции, они указывают на строение мира и соотношение его частей. Известны условно переданные сцены ритуальных действий, в которых фигурируют различные, в том числе антропоморфные персонажи.

В образах глиптики и сфрагистики визуализируется мир, прежде скрывавшийся за условными орнаментоподобными знаками и схематичными образами антропоморфной пластики. Только теперь появляются композиции, указывающие на участников ритуальных действий и их цели, т.е. то, что прежде не считалось необходимым изображать, что принадлежало иной сфере реально отправляющихся обрядов и циркулирующих в культуре словесных текстов.

В.И. Сарияниди²⁶ обращает внимание на то, что штампы в большинстве имеют форму круга или фигур, в него вписывающихся (таковы многолучевые розетки и фигуративные изображения птиц, животных, растений) (рис. 4). Ободок имеет вид

Хронология 2005, 410.

Sarianidi 1998.

Sarianidi 1998, 23.

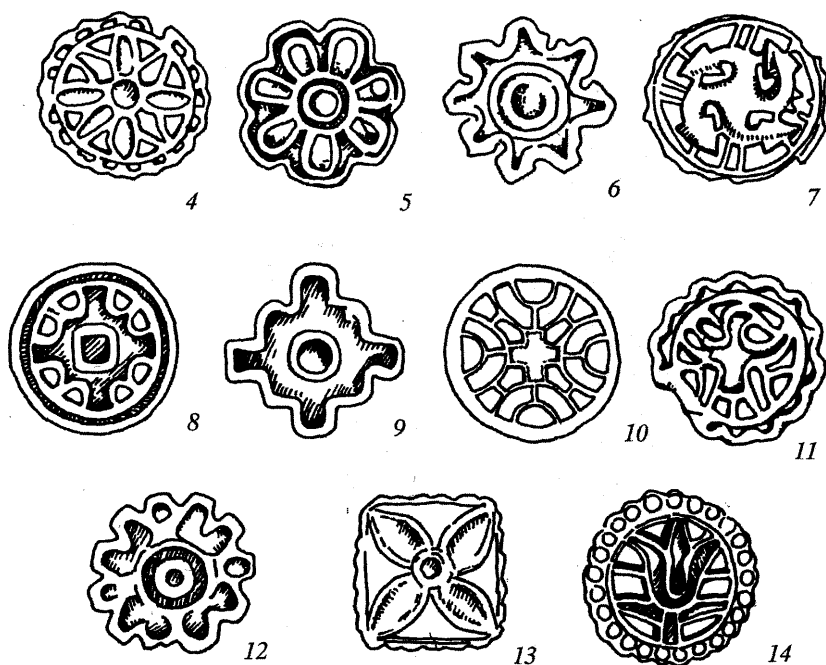

Рис. 4. Металлические печати БМАК: 1-7 - Бактрия; 8-14 - Маргиана

ртика, оформленного различным образом, в том числе жгутовидных очертаний. емантике этого мотива была посвящена работа, в которой проводился анализ инхронно существовавших вариантов и предлагалась сводка возможных связанных с ним мотивов из регионов к западу от БМАК²⁷. Экземпляры прямоугольных чертаний не столь распространены; они, как и имеющие форму ступенчатого еста или ромба, каменные, несут изображения с двух сторон. Каменные цилиндические печати с композициями из фигур сверхъестественных существ разного лика, животных, растений и т.д., несмотря на их немногочисленность и трудно- и распознавания помещенных на них фигур и «дешифровки» сюжетов, в первую очередь привлекают внимание исследователей. Для данной работы представляют терес не такие уникальные образцы, а массовый материал.

В кольцевидном ободке или без него изображались центрические фигуры с азным числом элементов, от трех до девяти. Особенно распространены фигуры четырьмя и восьмью элементами, десять и более встречаются редко. Примечальна ступенчатость сторон крестообразных фигур - особенность, продолжаю-

шая старую энеолитическую традицию орнаментальных мотивов. Четырехчастная крестообразная фигура имеет дополнительные различным образом размещенные лучи, заполняющие все поле и придающее ей вид разнонаправленного дерева, также напоминающего орнаментальные мотивы анауской культуры (рис. 4). При сопоставлении вариантов геометрических фигур обнаруживается некоторая тенденция. Их лучи теряют угловатость, приобретая сходство с цветочными розетками. Это сходство усиливается помещением в центре кружком, но встречаются и рудименты, центральные квадраты или ромбы, указывающие на генезис мотива в энеолитической орнаментике. В ряде случаев удается проследить трансформацию ступенчатого ромба в подобие восьмилучевой розетки (здесь и далее указываются номера образцов по указанному каталогу В.И. Сарияниди; в данном случае это № 475-483). Очертания печатей могут приобретать петлистый вид, также придающий им сходство с растительной розеткой.

Прежде образ мира на вещах передавался условно, символическими, отчасти иконическими и наверняка индексальными знаками - крестообразными фигурами, перетекавшими в образы растения и/или антропоморфного существа. Теперь становятся актуальными знаки, передающие отдельные моменты в жизни мира. Усложнение социальной жизни, осознание неоднородности социума идет рука об руку с дифференциацией образа мира, акцента отдельных составляющих его временных отрезков, пространственных зон и т.д. В.И. Сарияниди обратил внимание на частоту изображений на каменных амулетах Бактрии и Маргианы различных распознаваемых растений, чего (с точки зрения современного исследователя) не могло быть прежде. Среди них - хвойный кустарник, мак или тюльпан, эфедра. Мак и эфедра, как и нераспознанная среди изображений конопля, могли использоваться для приготовления необходимых в ритуалах галлюциногенных напитков²⁸.

Приведем несколько примеров изображений растений в композициях на условно принадлежащих БМАК (в отличие от беспаспортных бактрийских) печатях-амулетах из Маргианы. Изображения на двух сторонах плоских образцов рассматриваются как взаимодополняющие.

Стилизованный мак встречается в сочетании с вихревой розеткой (1662, 1666), четырех- и восьмилучевой розетками (1663, 1665), фантастическим животным и крылатым драконом (1671, 1715?), птицей, каким-то другим растением и скорпионом (1659).

Неидентифицированное ветвистое растение с кружком на вершине изображено между козлами, за одним из которых - змея; на другой стороне - чудовище, нападающее (?) на человека (1621). Мако- и тюльпанообразные растения изображены на цилиндрической печати из погребения на некрополе Гонура (1786). Центральное положение в композиции занимает фигура сидящей женщины с поднимающимися из тела и головы растениями. Перед ней - козел и лиса (?), под ней - змея (рис. 5,3). Аналогична композиция на цилиндре из погребения в Шахдаде (Иран) (рис. 5, 4).

Ветвистые растения встречаются в композициях с различными животными, в том числе тигром со змеей под животом (1642), птицей (1656), птичеловеком, козлом и тигром (1618). На поверхностях трехгранной пирамидки изображено стоящее на горе дерево, по сторонам - поднимающиеся змеи (1781).

Какими бы ни были отношения между отдельными изображениями в таких композициях, их облик позволяет думать, что они должны были передавать образы ритуалов и обрядовых действий, связанных с поворотными моментами в жизни

²⁸Sarianidil998,45.

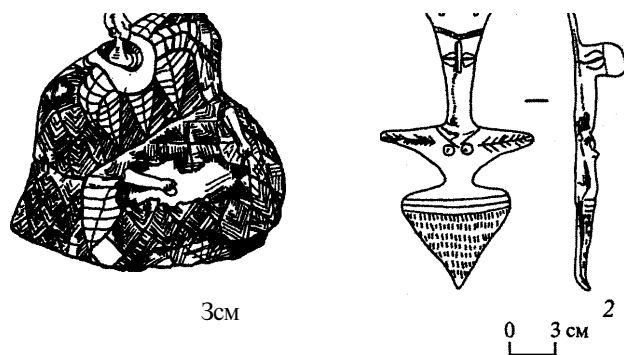

Рис. 5. Бактрийско-маргианский археологический комплекс.
 1-2 - скульптура из погребений Гонура. Изображения на цилиндрических печатях;
 3 - Гонур Депе, 4 - Шахлад

природы. Эти изображения - визуальные реализации ритуалов, направленных на продолжение существования плодородных сил мира.

Анализ печатей с геометрическими мотивами и сопоставление их с планировкой архитектурных сооружений этого времени показывает, насколько актуальным в обрядовой жизни были геометризованные фигуры, определяющие основы образа мира, - круг, квадрат, крестообразные мотивы. Сохранившиеся материальные свидетельства указывают на то, что соответствующие им конфигурации выразались в словесных и действенных текстах, естественно, не находивших визуальной фиксации. Круг, квадрат, крест - эти три фигуры показывают актуальность не только горизонтали, но и вертикали в образе мира.

Вертикальность структуры мира передавалась еще в эпоху ранней и развитой бронзы в крестообразных орнаментальных мотивах, изображениях дерева и антропоморфных стоящих статуэтках крестообразной формы. А.П. Франкфор обратил внимание на то, что «цивилизация Окса» систематически добавляет на печатях измерение, которое можно назвать вертикальным²⁹. Распространены дву-

²⁹ Франкфор 1997, 67.

сторонние изображения. Медные печати могли служить навершиями вертикально ориентированных булавок. На некоторых цилиндрических печатях изображения наносились и на торце. Наконец, найден великолепный каменный амулет в виде фигурки верблюда с резными мотивами на оборотной стороне и основании. Все это отличает, отмечает он, эти печати от характерных для долины Инда, Месопотамии и Персидского залива (добавим, и Сиро-Анатолии).

На актуальность вертикального измерения указывают и фигуры многочисленных крылатых существ. Это антропоморфные божества мужского и женского пола, представители животного мира, причем не только птицы, но и верблюды, зайцы, змеи, грифоподобные. Мотив подвижности в пространстве и времени передается также и геометрическими мотивами - свастиками, вихревыми розетками, составленными из змей, козлов, растений, лишенными статики жгутовидными элементами. Исследования изобразительных памятников близкой БМАК в хронологическом и культурно-историческом плане хараппской цивилизации показывают, что посредством образов животных и растений здесь обозначались отрезки времени, возраст и статус человека, определялись границы сезонов, начало сельскохозяйственных работ, а также образы божеств, имеющих отношение к плодородию, покровителей года и временных циклов, созвездия и отдельные небесные светила³⁰.

Обратимся к антропоморфной пластике БМАК, претерпевшей по сравнению с предшествующей существенные изменения.

Замечательная фигурка была найдена в одном из богатых, но ограбленных в древности погребений Гонура³¹. Это фрагментированное небольшое изображение стоящей женщины в конусообразной юбке, сделанной из натянутой на деревянную основу золотой фольги, орнаментированной рядами «язычков». Руки ее, как полагают, были сложены на животе. Они, как и голова, золотые. На ее теле на бронзовых стержнях закреплены шесть гипсовых пшеничных колоса с бронзовыми осями. Вероятно, из основания поднимались и два гипсовых удлинённых растения или плода, подобные которым были найдены и в нескольких других погребениях. Завершая описание, НА. Дубова предполагает, что фигурка могла изображать богиню растительности.

Поза и местонахождение фигурки дают основания для предположения, что здесь мы имеем то же, что в более раннее время, когда в могилы клали глиняные статуэтки с изображениями растений. Немногочисленные фигурки - упрощенные наследницы предшествующих - продолжали и сейчас сопровождать умерших (рис. 5, 2).

Среди материалов разграбленных могильников Северного Афганистана есть группа небольших, от 10 до 20 см, каменных статуэток сидящих женщин. Они вырезаны из темного стеатита, головки и сложенные на уровне живота руки вырезаны из мраморовидного камня. Все тело окутано одеянием, покрытым резными «язычками». Эта одежда восходит к месопотамской, столь популярным в околomesопотамском мире каунакасам. «Язычки» имитируют нашитые на основу кусочки ткани, чтобы имитировать овечью шерсть. Позже такие фигурки были найдены в погребениях на Гонуре (рис. 5, 1), как и их имитации из глины и гипса. Фрагменты их обнаружены и при раскопках «дворца» и «теменоса»³².

По мнению П. Амье, такие статуэтки воспроизводили скульптуры эламских царей, известных по изображениям на цилиндрах из Суз и Аншана периода царей Симашки и первых суккальмахов (первые века II тыс. до н.э.). Он полагал, что

³⁰Альбедиль 1994, 222 ел.; Волчок 1972, 293-298.

³¹Дубова 2004, 272-273.

³²Сарианиди 2001, 50.

если такие скульптурные изображения в Эламе и Месопотамии изображали адорантов и предназначались для храмов, то в Бактрии их помещали в погребения³³. Неизвестные тогда маститому исследователю находки на Гонуре указывают на то, что они могли находиться не только в погребениях.

Изображения подобных персонажей обнаружены сейчас на печатях Маргианы и Ирана (см. выше). Прежде такие изображения на печатях были известны на востоке Ирана в Шахдаде (рис. 5, 4) и Тепе Яхья. П. Амье был склонен считать эти персонажи божествами растительности и сближал их, в отличие от других исследователей, скорее с эламскими, чем месопотамскими образцами³⁴. Многофигурные изображения на печатях демонстрируют принадлежность женских божеств растительному миру, хтоники- на это указывает змея и, возможно, их сидячая поза. П. Амье относил цивилизацию Бактрии к трансэламским, находящимся за пределами Элама и испытывавших его влияния. Заметив, что и в Эламе, и в трансэламском регионе в III тыс. до н.э. большую роль играли женские божества, он, однако, отмечал, что позже, в эпоху суккальмахов, в эламском пантеоне боги начинают играть главенствующую роль³⁵. Такие перемены в пантеоне напоминают ситуацию, которая обнаруживается в глиптике БМАК: здесь достаточно многочисленны изображения антропоморфных существ мужского пола с крыльями, с головами хищных птиц и подчиненными им фантастическими животными. Эти изображения не дают возможности говорить о доминировании в мифологических представлениях персонажей женского пола.

Итак, новые данные позволяют более полно, чем это было прежде, представить трансформацию представлений о мифологических покровителях носителей ахеменидской культуры и связанного с ней Бактрийско-маргианского археологического комплекса, т.е. на протяжении энеолита и бронзового века. Как можно их определить? Были это могущественные божества, обитатели запредельного мира, или духи, семейно-родовые покровители, «матери» и «отцы»? Представляется, что основой для выводов может служить реконструируемый социальный контекст. Энеолит - время существования небольших коллективов. Отношения между их членами определялись родством. Соответственно, их покровителями были мифологизированные предки. Их отделение от мира живых делало их особыми существами, причастными «не нашему» миру. Однако из всех существ этого мира они были самыми близкими людям. К земле, воде, небу и его светилам, растениям и т.д. относились непосредственно, не делая их изображений. Антропоморфизация божеств, как показывает религия Месопотамии - явление относительно позднее, изображения на печатях свидетельствуют, что такой способ визуализации их образов появился через много столетий после сложения государств, систематически - в середине III тыс. до н.э. Из этого, однако, не следует, что и до того вербально они определялись как человекоподобные существа.

Формирование сложных общественных структур в период существования «цивилизации Окса», сложение власти как института было сопряжено с усложнением бразды мира. Однако традиционное сознание инерционно. Возможно, поэтому жрицы продолжают выступать в обликах реальных женщин высокого ранга, одетых в одежду, отчасти напоминающую чужеземный каунакес, знак высокого статуса. Но изображения крылатых антропоморфных существ сигнализируют о существовании представлений о божествах. Представители верхнего слоя без-

³³ Amiet 1986, 200.

³⁴ Amiet 1986, 167.

³⁵ Амье 1997, 101.

условно были знакомы не только с вещами, но и с верованиями своих соседей и имели представления об их божествах. Образ мира в дифференцирующемся обществе стал более сложным и многозначным.

Литература

- Альбедиль М.Ф.* 1994: Протоиндийская цивилизация. Очерки культуры. М.
- Амьел П.* 1997: Богини и царицы Элама//ВДИ. 1, 97-103.
- Антонова Е.В.* 1977: Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
- Антонова Е.В.* 1981: Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры (К проблеме значения) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье / Б.А. Литвинский (ред.). М., 5-21.
- Антонова Е.В.* 1984: Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия / Б.А. Литвинский (ред.). М.
- Антонова Е.В.* 1986: К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / Б.А. Литвинский (ред.). М., 35-66.
- Антонова Е.В.* 1990: Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.
- Антонова Е.В.* 1996: Контакты Месопотамии с восточными землями в IV—III тыс. до н.э. // Азия - диалог цивилизаций / Б.А. Литвинский, Е.В. Антонова (ред.). СПб., 195-240.
- Антонова Е.В.* 2005: О геометрических фигурах анауской культуры и БМАК / На пути открытия цивилизации. Сб. ст. к 80-летию В.И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции // П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова (ред.). М., 303-312.
- Антонова Е.В.* 2010: Об одном из способов интерпретации смысла знаков дописьменных культур // Проблемы истории и культуры древнего Востока. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Г.М. Бонгард-Левина / Г.Ю. Колганова, А.А. Петрова, А.В. Сафронов (ред.). М., 16-18.
- Антонова Е.В., Раевский Д.С.* 1991: О знаковой сущности вещественных памятников и о способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока / Б.А. Литвинский (ред.). М., 207-232.
- Байбурин А.К.* 1989: Семиотические аспекты функционирования вещей// Этнографическое изучение знаковых средств культуры / А.С. Мильников (ред.). Л., 63-88.
- Березкин Ю.Е.* 1981: Женские терракотовые статуэтки с Алтындапе // КСИА. 167. М., 16-23.
- Березкин Ю.Е.* 1994: «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н.э. // ВДИ. 3, 14-37.
- Волчок Б.Я.* 1972: Протоиндийские божества // Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. *Proto indica*: 1972, 246-304.
- Дубова Н.А.* 2004: Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура// У истоков цивилизации. Сб. ст. к 75-летию В.И. Сарияниди/ М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова (ред.). М., 254-281.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* 2002: Др.-инд. *vedi-*-глубинный смысл и этимология. Ритуальные истоки комплекса «знание-рождение» // История и языки древнего Востока. Памяти И.М. Дьяконова. СПб., 72-91.
- Иванов С.В.* 1963: Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX-начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. Тр. Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Н. с. Т. 81. Л.
- Лотман Ю.М.* 1994: Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). СПб.
- Массон В.М.* 1982: Энеолит Средней Азии// Энеолит СССР. Археология СССР/ В.М. Массой, Н.Я. Мерперт (ред.). СПб., 9-92.
- Массон В.М., Сарияниди В.И.* 1973: Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.
- Пьянкова Л.* 1994: Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы // Российский этнограф. Этнологический альманах. Антропология. Культурология. Социология. 21 / Ю.Б. Симченко, В.А. Тишков (ред.) М., 135-157.
- Сарияниди В.И.* 2001: Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Соловьева Н.Ф.* 2005: Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам раскопок Илгынлы-депе): Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб.

- Франкфор АЛ. 1997: Печати Окса: разнообразие форм и изменяемость функций // ВДИ. 4,60-68.
Хронология 2005: Хронология эпохи позднего энеолита - средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) //Тр. ИИМКРАН/В.М. Массой, Ю.Е. Березкин (ред.). СПб.
Amient P. 1986: L'age des echanges inter-iraniens 3500-1700 avant J.-C. P.
Sarianidi Victor 1998: Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M.

ON INTERPRETATION OF MATERIAL SOURCES: SYNCHRONIC AND DIACHRONIC APPROACH

E. V. Antonova

In this paper, dedicated to the memory of B.A. Litvinsky, the author defends the possibility of combining synchronic and diachronic approach in semiotic study of monuments of preliterate cultures. The object under discussion is the Anau culture and the «Oxos civilization» (BMAC) in Central Asia in the Eneolithic and Bronze Periods (V-II millenium BC), ornaments, anthropomorphous sculpture and glyptics. The accent is put on the ways of transmitting information in societies with simple structure without technical means for communication. Variability of signs in synchronic and diachronic aspects helps to establish the semantics of symbolic signs by means of comparing it with iconic ones. Complication of social structure causes complication of the *Weltbild* and its visual aspect. At the same time, the signs denoting mythic patrons undergo changes. Images of anthropomorphous deities develop and take definite forms under the influence of images used in developed civilizations. The picture of the world begins to be represented not only in symbolic signs, but also in iconic ones.

©2011г.

С Б. Болелов

КАМПИРТЕШ,-ПАНДАХЕОН В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

В статье анализируются результаты раскопок городища Кампыртепа на юге Узбекистана. По материалам, полученным в ходе раскопок, характеризуются особенности планировки, а также облик материальной культуры на ранних этапах жизни памятника. Кампыртепа-Пандахеон, основанный не позднее последней четверти IV до н.э., являлся опорным пунктом на одной из основных переправ через Амударью.

Ключевые слова: Северная Бактрия, эллинизм, Греко-Бактрийское царство, крепость, переправа, жилой комплекс, производственный центр.

Крепость Кампыртепа (другое название Кафыркала) расположена на высокой лёссовой террасе правого берега Амударьи, на территории Сурхандарьинской области Республики Узбекистан, в 30 км к западу от Термеза. Памятник был открыт Э.В. Ртвеладзе в 1972 г. во время археологической реконсцировки в Сурхандарьинской области¹.

Болелов Сергей Борисович - кандидат исторических наук, заведующий сектором Истории материальной культуры и древнего искусства народов Центральной Азии Государственного музея Востока.

Ртвеладзе 1974, 74; Алпаткина 2009,10-12.